

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

С. О. ШМИДТ

ФЕНОМЕН ФОМЕНКО

*в контексте
изучения
современного
общественного
исторического
сознания*

МОСКВА НАУКА 2005

УДК 930
ББК 63.2
Ш73

Шмидт С. О.

"Феномен Фоменко" в контексте изучения современного общественного исторического сознания / С. О. Шмидт; Археогр. комис. РАН. - М.: Наука, 2005. - 73 с. - ISBN 5-02-034985-2.

Работа видного историка советника РАН академика РАО С. О. Шмидта содержит сведения о возникновении, развитии, распространении и критике так называемой "новой хронологии" истории Древнего мира и Средневековья академика А. Т. Фоменко и его единомышленников. Подробно характеризуется историография последних десятилетий. Предпринята попытка выяснения интереса и даже доверия к такой наукообразной фальсификации. Все это рассматривается в контексте изучения современного общественного исторического сознания и тенденций развития науковедения. Особое внимание уделено наблюдениям о системе исторического образования в средней школе и выявлению путей формирования понятий о прошлом, приемах его познания в среде широкой общественности, отвечающих современному уровню.

Для научных работников, педагогов высшей и средней школы, всех интересующихся прошлым и его изучением.

По сети "Академкнига"

ISBN 5-02-034985-2

© Археографическая комиссия РАН, 2005
© Шмидт С. О., 2005
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство "Наука", 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕИЗДАНИЮ*

К настоящему времени издано уже немало работ, показывающих научную несостоятельность "новой хронологии" истории Древнего мира и Средневековья и некорректность методики, которую демонстрируют академик А.Т. Фоменко и его единомышленники. Виднейшие ученые-гуманитарии и негуманитарии старших поколений (академики В.Л. Гинзбург, А.А. Зализняк, Л.В. Милов, В.С. Мясников, С.П. Новиков, В.Л. Янин и др.) и более молодые сотрудники научных учреждений и преподаватели вузов сочли своим долгом защищать достоинство отечественной науки.

В "Вестнике Российской академии наук" за 2002 год вслед за публикацией статей такой проблематики, где дана "совершенно объективная, на взгляд редакции, оценка очередного сочинения А.Т. Фоменко как абсолютно непрофессионального с точки зрения историков и археологов", сообщается, что «редакция закрывает дискуссию о "новой хронологии" на страницах "Вестника" и не будет к этому более возвращаться»¹. Действительно, ученым, на которых рассчитано издание, очевидно, что построения А.Т. Фоменко, Г.В. Носовского и пишущих вместе с ними — лженаука и дискредитация научности методов исследования.

Однако А.Т. Фоменко и Г.В. Носовский неутомимы в своем агрессивном вторжении в историческое сознание наших современников. И хотя все явственнее снижение рейтинга их продукции на наших книжных прилавках, а за рубежом на эти издания почти не обращают внимание, остаются еще -- увы! — россияне, не сумевшие (или не желающие) разобраться в существовании навязываемого им чтива. Так совсем недавно в телепрограмме в связи с 625-летием Куликовской

¹Работа впервые напечатана в "Исторических записках" в 2003 г. (№ 6 (124). С. 342-387).

битвы суждения А. Т. Фоменко о месте сражения (не близ Дона, а на московских Кулижках) безответственно представили как якобы научно-историческую версию.

И возникло желание заново издать статью двухлетней давности потому, что в ней преимущественное внимание уделено проблеме уяснения того, почему столь фантастические построения могут вызывать доверие у наших сограждан. И даже у тех, кто считает себя принадлежащими к кругу образованных людей. Это — попытка выявить некоторые особенности общественного исторического сознания советского и постсоветского времени, а также возможности внести изменения в направленность преподавания истории.

За 30 лет со времени первых выступлений математиков с пропагандой "новой хронологии" не нашлось среди историков и филологов с уважаемым в мире науки именем ни одного, кто занялся бы изысканиями в предлагаемом направлении. Но сами А. Т. Фоменко и Г. В. Носовский выпускают в свет книгу за книгой, все более расширяя территориальное пространство и хронологические границы привлекающей их тематики. Причем книги такого объема и разнообразия сюжетов, которые — как убеждает практика исследовательской деятельности — невозможно физически оформить для публикации в столь короткий срок одному или двум лицам. Однако оставим на совести авторов ответ на вопрос о численности исполнителей, привлеченных к заготовке этого наукообразного китча (распространенное с середины XX в. английское слово переводится в современных словарях иностранных слов как "дешевка, безвкусная массовая продукция, рассчитанная на внешний эффект").

Возможно, что это — проявление особого характера мышления и мироощущения, свойственного законопослушным только правилам математической логики. Опасные последствия такого подхода для познания развития наук отметил еще классик российской философии Г. Г. Шпет: "Логика была бы несправедливым судьей, если бы она судила историю по законам математики или математику по законам истории". Эти слова приводит академик В. С. Мясников в статье, предваряющей издание трудов мыслителя, как раз для характеристики изображения А. Т. Фоменко истории европейского и азиатского (и прежде всего китайского) Средневековья².

Допустимо предположить и то, что книги — долговременный розыгрыш, ставший приносить немалые денежные доходы, и потому продолжающийся и понуждающий к новизне и содержания и оформления (последние издания отличаются от ранних обилием иллюстраций). Это — и демонстрация пренебрежительного отношения специалистов в области точных наук к методике ученых гуманитариев и одновременно свидетельство подобного же восприятия их выводов и наблюдений и частью широкой публики, прельщенной рекламой и самой возможностью опровергать результаты многовековых трудов ученых гуманитариев, обратившись к методике негуманитарных наук, будто бы точной и в данном контексте.

Особенно соблазнительно то, что построения "новохронологов" (а такое определение уже прижилось в литературе) доступно и подчас даже завлекательно изложены, легко усвояемы и позволяют, повторяя вычитанное в книгах с броскими обложками, выигрышно выглядеть на публике проводниками самого новейшего знания, особенно, если — как замечено еще в чеховском водевиле — "они хотят свою образованность показать". На легкое приученного к телевизионным рекламным роликам потребителя, малоосведомленного в истории (и особенно такого, которому приятно думать, что Россия изначально была родиной или средоточием ценнейшего в мировой цивилизации) рассчитаны и привлекающие аннотации новейших изданий книг А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского.

В аннотации к книге Г.В. Носовского и А.Т. Фоменко "Царь славян", изданной в Петербурге в 2005 г., где датой рождения Иисуса Христа назван 1152 год, узнаем, что "Датировка эпохи Христа, изложенная в настоящей книге, является окончательной, поскольку получена с помощью независимых исторических методов" и "находится в идеальном соответствии со статистическим параллелизмом" (выделено мною — *С. III.*). В аннотации к изданной в 2004 г. в Москве книге Г.В. Носовского и А.Т. Фоменко "Империя" из серии в семи книгах "Новый канон" читаем о том, что ранее "приходилось использовать гипотезы". В данной же серии "сформулирована и *абсолютно доказательно*, и в то же время наглядно подтверждаемая целостная теория реконструкции всеобщей истории" (выделено мною. — *С. III.*),

Особенно выразительна заключительная часть аннотации к изданной в 2005 г. в Петербурге книги А.Т. Фоменко

"Античность — это Средневековье": "... Книга является уникальным событием в международной научной жизни. Она не оставит равнодушным ни одного читателя. От читателя не требуется никаких специальных знаний. Нужен лишь интерес к всеобщей и русской истории, и желание разобраться в ее многочисленных загадках. Книга предназначена для самых широких читателей, интересующихся применением естественных научных методов в истории" (выделено мною. — С. III.).

Подобного стиля рекламация побуждает думать о защите этих "самых широких читателей" уже не только методов гуманитарных наук, но и естественных и точных, если представители этих наук в такой мере отступают от элементарных норм научной методологии (не говоря уже о научной этике), столь субъективны в отборе и интерпретации фактов, в системе доказательств, так неприличны в безудержной саморекламе. Тем более, что в некоторых изданиях в приложениях публикуются заносчивые ответы на критические отзывы на труды "новохронологов" ученых (гуманитариев и негуманитариев). По близкой тематике появились в книжных магазинах эффектно изданные книги и других авторов, мнящих себя знатоками истории, и также безапелляционно опровергающих общепринятые представления (особенно по истории допетровской России).

Ниспровергателям истории и культуры прошлого и многовековой нравственной традиции должно противостоять в изданиях, тоже рассчитанных на широкого читателя, познакомиться такого читателя с подлинными трудами тех критиков "новой хронологии", которых столь беззастенчиво лихо и в то же время увертливо избегая стиля подлинно научного спора, уничижительно характеризуют академик А. Т. Фоменко и его единомышленники. Сборники таких материалов уже публиковались, но тиражами, которые не позволяли им дойти до действительно "широкого читателя", они были менее привлекательны, в отличие от полиграфических сочинений "новохронологов".

Сейчас в подпрограмму "Поддержка полиграфии и книгоиздания России" Федеральной целевой программы "Культура России" включена подготовка в издательстве Российского государственного гуманитарного университета сборника статей «Антинаука: "новая хронология" истории Древнего мира и Средневековья». Учитывая то, что приманкой в ловушку "новой хронологии" для многих является академи-

ческое звание математика А. Т. Фоменко (обретенное, правда, им отнюдь не за труды в области гуманитарных наук), в книгу включили прежде всего написанное тоже "именитыми" авторами — и гуманитариями и негуманитариями (с составом сборника можно ознакомиться в Приложении). Должно обеспечить возможность получения нашего издания и районными и вузовскими библиотеками. Оно рассчитано на по-настоящему любознательных и добросовестных, а не на несамостоятельных в мыслях любителей тусовочной моды.

Хочется думать, что издаваемая книга будет рекомендована и высшим, и средним учебным заведениям церковных ведомств, и тем, где священнослужители во многом определяют направленность обучения. Ибо сочувствие взглядам "новохронологов" обнаруживается подчас у лиц, которые причисляют себя к верующим. Это — свидетельство и слабого знакомства со священными книгами мировых религий.

Хорошо, что издательство "Паломник" еще в 2001 г. издало тиражом в 5 тыс. экземпляров сборник статей «Ложь "новых хронологий": Как воюют с христианством А. Т. Фоменко и его единомышленники», составленный А. В. Лаушкиным, где отмечается "необходимость решительного противодействия новой технологии одурманивания легковерной публики" и вскрывается «не только "псевдонаучный", но и "антихристианский характер построений "новохронологов"». В этой небольшой книге помещена статья диакона А. Спасского "Нападение на Библию". Но никто из архиереев, суждения которых высокоавторитетны для православных, не счел нужным публично осудить такую фальсификацию "священной истории".

С утратой ореола сенсационности "новая хронология" становится менее интересной, особенно в провинции. И поскольку не обрела новых именитых пропагандистов, время распространения подобных идей ограничено. Но вызывает серьезную тревогу то, что нашлось все-таки немало поверивших этим антинаучным измышлениям, принявших их как утверждение исторической истины. Огорчает и равнодушие к распространению такой общественной "заразы" со стороны тех, кто обязан определять пути и формы развития нашего просвещения, и слишком вялая реакция Российской академии наук и Российской академии образования на это позорное явление нашей научной жизни. Уже горестно отмечали, что если лысенковщина была навязана сверху и сопротив-

литься этому было небезопасно, то терпеть оскорбительную для престижа научных знаний фантастику фоменковщины по меньшей мере странно. Ведь математик академик С. П. Новиков уже в 1997 г., отметив, что А. Т. Фоменко "выпустил целый поток книг по опровержению истории... с помощью математики", указал на то, что это "уже не хобби, а основная работа"³.

А. Т. Фоменко, обнаруживая вопиющий непрофессионализм в области историко-филологических знаний, решил сдвинуть *всю хронологию* развития цивилизации — следовательно, и в высших проявлениях культуры, и в событиях истории, и в повседневности. Но так как нет возможности признать несуществующими давно известные и ученым, и широкой публике памятники истории и культуры, датируемые обычно первым тысячелетием нашей эры или предшествующим временем, то происхождение их предлагалось датировать XV—XVII столетиями.

Как можно было в дополнение к дошедшим до нас памятникам этой эпохи создать еще огромный массив многообразных памятников материальной и духовной культуры (т. е. тех памятников, которые всеми другими признаются памятниками культуры Древности или раннего Средневековья) они не объясняют; не названы и имена тех, кто руководил организацией такого массового производства. Упоминается лишь имя знаменитого в конце XVI — начале XVII в. знатика текстов античных авторов и ученого разносторонних интересов Ж. -Ж. Скалигера, заложившего основы научной хронологии и разработавшего систему унификации летоисчисления, что, мол, объясняет (или прикрывает?) невиданного масштаба фальсификацию исторических памятников. (При этом "новохронологам" невдомек, что Скалигер был известным своей воинственностью гугенотом, и написанное им никак не могло бы в период особо ожесточенного противостояния католиков и протестантов, объединить в единых намерениях и действиях европейских ученых, мастеров искусства и литературы, властителей государств. Тем более, что Греция с островами находилась с XV в. под властью мусульманской Турции, а Италия, где сосредоточены памятники древнеримской цивилизации, всегда оставалась средоточием католицизма.)

Это — свидетельства полнейшего отсутствия у выдающегося математика и его сподвижников глубинного исторического зрения, понимания того, что ход исторического про-

цесса — изменяющиеся сцепления обстоятельств времени и места, взаимодействия общества и природы, общества и отдельных индивидуумов. Не учитывается и то, что запечатленное на письме или рисунком отражало возможности восприятия и отображения времени создания этих источников исторической информации, следовательно, и уровень научных знаний, которые тоже изменяются с годами (как и степень точности их выражения).

Оказалось, что люди, так заметно проявившие себя в дальнейшей научной деятельности, не смогли в юные годы впитать столь элементарные понятия. Следовательно им не внушили представление об основах и ходе исторического развития человечества в период формирования их первоначальных знаний и умений. Не освоили таких представлений и те, кто с доверием отнеслись к несусветной выдумке (или жульничеству?), прельстившись наукообразным оформлением.

Интерес, тем более доверие к конструкциям авторов "новой хронологии" — тяжелый, но — увы — справедливый приговор преподаванию истории школьникам, причем не только в советские, но и в постсоветские годы. И методике — история воспринимается юными как предмет не размышления, а запоминания; и не остается никакого ощущения развития этой отрасли знаний: некая данность вне пространства движения исследовательской мысли и совершенствования приемов доказательств. И содержанию — сдававшие экзамены по истории совершенно не имеют представления об образе жизни не только в древности и в период раннего Средневековья, но и в последующие XV—XVII вв., т. е. о допетровской Руси и о Западной Европе времен Леонардо, драм Шекспира, сервантесовского Дон-Кихота, научных открытий Коперника и Ньютона.

Не понимают, что в XV—XVII вв. немислимо было создать те более ранние памятники культуры, которые "новохронологи" относят к этому времени. Необходимого для того взаимодействия различных народов, государств и их правителей не достигли и в наши дни. Примитивны были возможности технологии производства и организации каждодневного обихода; малодоступны и медленны пути передвижения и обмена информацией. Феноменально высокую должно было бы иметь и концентрацию великих талантов и творческой неутомимости, чтобы создать, наряду с шедеврами Ренессанса, еще и шедевры, относимые обычно к пре-

дыдущим эпохам. А обучающиеся истории по школьным учебникам не осознают, что предположение о такой датировке дошедших до нас памятников истории и культуры древности — полнейшая фантастика, театр абсурда на арене реальной истории.

Убежден в том, что должно незамедлительно принять меры к внедрению в сознание конкретных представлений о ходе исторического процесса, об особенностях, характерных для определенного времени и определенной местности, к воспитанию с юных лет ощущения исторической ориентировки, более конкретного и образного видения Прошлого и его отличий от Настоящего.

Изначально имевшиеся во всех странах элементы этого в обучении истории при советской власти были вытравлены заменой преподавания истории преподаванием некоего "обществоведения" с его абстрактными и примитивными вульгарно-социологическими построениями, с вкраплением сведений о немногих революционно-героических традициях и самых вершинных памятниках культуры. Введение преподавания "гражданской истории" устранило прямолинейный схематизм, но свело важнейшее в прошлом к смене общественно-экономических формаций и подготовке этого революционными действиями и теориями. И все больше превалировало внимание к государственно-политической истории — при этом с соответствующими установкам времени изменениями акцентов в характеристике и оценке событий и действующих лиц — постепенно стало преобладать умиление в изображении предпосылок государственного величия России.

Ограничимся соображениями о преподавании отечественной истории до периода Нового времени. Это более близко и понятно юным, остатки местной старины доступны визуальному наблюдению. В юные годы еще слабо развиты представления об общем и особенном, тем более навыки абстрактного мышления. И лишь совсем недавно, с внедрением в нашу жизнь телевидения, стало формироваться массовое понятие о различиях в жизни стран и народов — их природе, повседневного обихода, памятников прошлого.

Академик С. Ф. Платонов, который был не только виднейшим отечественным историком первой трети XX в., но и выдающимся методистом преподавания истории в средней и высшей школах, еще в дореволюционные годы заметил: "Явились... попытки понимать историю, как науку, должен-

ствующую раскрыть общие законы развития общественной жизни вне приложения их к известному месту, времени и народу. Но эти попытки в сущности присваивали истории задачи другой науки — социологии. *История же есть наука, изучающая конкретные факты в условиях именно времени и места, и главной целью ее признается систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных исторических обществ и всего человечества*" (подчеркнуто автором. — С. III.)⁴.

В школьные годы дети первоначально способны осознать только информацию о конкретных фактах в условиях именно времени и места. Тем более что с трудом осознаются и отличия недавнего прошлого от длительного предшествовавшего периода развития человечества. Подобно тому, как юные относят к "старым" тех, кто родился лишь на 15—20 лет раньше их, они не только в просторечии, но и на самом деле их такими представляют.

Установлено, что почти никому из горожан России ничего неизвестно о своих родственниках в поколениях, предшествовавших поколению бабушек и дедушек. Большинство их не представляют в конкретности и различия жизненного обихода родителей своих родителей в дни их юности и современно-го. А ведь поколение бабушек и дедушек жило в период невиданных до того грандиозного масштаба технических новаций — тогда уже были широко распространены неизвестные их бабушкам и дедушкам автомобили, трактора, пароходы, железные дороги и самолеты, электричество, телеграф и телефон, многоэтажные дома с водопроводом, газом, лифтом, пишущие машинки и счетные машины, фотографии и рентгеновские снимки и т.д., и т.п. Это все было известно еще до Первой мировой войны, воспоминания о которой можно еще услышать. А для юных и Вторая мировая война, и кажущиеся теперь примитивными технические возможности тех лет в современную эпоху телевидения, компьютера, Интернета, это — далекое прошлое, боль которого, как и проявлений сталинского тоталитаризма, слабо ощутима.

Изменения в наборе и конструкции предметов повседневного обихода, в возможностях получения информации, Происшедшие на протяжении XX столетия, невероятно велики. Никогда прежде не было подобного темпа в изменениях, что прослеживаются и на бытовом уровне. (Вспоминаются всеобщие любопытство и удивление на выставке 1978 г. в Париже, демонстрирующей эволюцию предметов быта в

XX в., — утюгов, настольных ламп, очков и много другого — утверждали даже, что от предыдущего века неизменным остался лишь носовой платок.) Но еще более заметны изменения в целом образа повседневной жизни с конца XIX — начала XX в. по сравнению *со всем* предыдущим временем и темпами изменений, имевших место в ту многовековую эпоху. Нынешняя молодежь почти не осознает это; и учебники истории слабо помогают приобщению к таким знаниям.

В большинстве из них воздействию природных условий на общественную жизнь отводят место лишь при рассмотрении явлений периода развития первобытного общества (правда, самого длительного периода в истории человечества). Преимущественное внимание уделено государственно-политической истории, глобального масштаба социально-экономическим явлениям, немногим шедеврам культуры прошлого. И, тем самым, запечатлеваются прежде всего изменения в системе властвования (и, соответственно, имена властителей) и в географических границах государственных образований. Об изменениях в каждодневном образе жизни от столетия к столетию составить конкретное представление без самостоятельного привлечения дополнительных данных (в музеях, произведениях художественной литературы, в кинофильмах исторической тематики) очень трудно, тем более, что в учебниках, характеризуя важные для познания далекого прошлого типы исторических источников (т.е. то, что может источать информацию, полезную для историка) не указывают на поведенческие источники (ранее их иногда называли этнографическими).

Правда, сейчас, с возвращением в нашу общественную жизнь историко-культурного краеведения, загубленного в зловещий год "великого перелома" (1929—1930), и введением этого предмета в школьное образование появилась надежда на приобщение к таким знаниям на этих уроках. Но ведь далеко не все преподаватели средней школы подготовлены к освоению их, тем более к передаче другим. Да и не у всех к этому лежит душа: ведь подлинное краеведение всегда не только краезнание, но и краелюбие. Обнаруживается и тенденция сведения краеведения, долженствующего помочь составить понятие и о междисциплинарных сферах научного знания, к рассказу о местных достопримечательностях и жизни знаменитых местных уроженцев.

За последние два десятилетия интенсификация работы краеведов и обретение ею научной масштабности заметны

едва ли *не* повсеместно. Это нашло выражение не только в создании в различных регионах школьных учебных пособий, в учащающейся защите диссертаций такой тематики и организации многообразных региональных и всероссийских научных и научно-практических конференций, но даже в подготовке многих региональных энциклопедий — обсуждению опыта такой работы был посвящен международный научно-практический семинар в Петербурге в 2003 г. (материалы его изданы); возобновляются местные краеведческие периодические издания, совершенно изменяется экспозиция краеведческих музеев, пропагандируется наследие наших краеведов (запрятанное на десятилетия в спецхраны). Опыт наших соотечественников, разрабатывавших в период "золотого десятилетия" нашего краеведения, т.е. в первые послереволюционные годы, методику изучения проблем, особо привлекающих сегодня внимание ученых, вызывает возрастающий интерес за рубежом — в парижской Сорбонне в 2000 г. была проведена Международная конференция "Краеведение в России (1890—1990): происхождение, кризис, перспективы", труды которой изданы в престижной научной серии⁵.

Тяга к краеведению объясняется не только демократизацией нашего общественного строя и возрастающими возможностями проявления самодеятельности на местах. Это отвечает направленности и во всем мире проблематики современных гуманитарных наук, где все больший интерес вызывает историческая психология, изучение истории повседневности, региональной и локальной истории, микроистории, гендерной истории, истории родственных связей. И отнюдь не случайно на нашем книжном рынке с рубежа нового столетия появились переиздания давних трудов такой тематики наших соотечественников и переводы сочинений иностранных авторов.

Думается, что теперь, когда можно, наконец, отступить от обязательного единообразия в содержании уроков истории и методике их проведения, стоит подумать и об изменении Преподавания отечественной истории до XVIII в. В эти годы, т.е. до седьмого класса, у детей формируются понятия об общем и особенном, осознаются закономерности в развитии и общества, и природы. Начинают ощущаться и отступления от таких путей; и самые любознательные задумываются над тем, от чего это происходит. И в основе всего впечатления — непосредственно окружающее их, ибо первоначально формируются знания о том, что рядом, доступно непосредствен-

ному восприятию. От ознакомления с "Малой Родиной" приходят к познанию всей Родины, всего мира, к представлениям о национальном и интернациональном. Общественно-исторический кругозор расширяется постепенно с годами и из книг, телепередач. Это — общеизвестные каждому учителю положения. И потому в преподавании отечественной истории до VII класса наибольшее внимание целесообразно сосредоточить на ознакомлении с прошлым *своего региона*, демонстрируя на этом более знакомом, подчас доступном и визуальном наблюдению, материале проявления общего и особенного в историческом процессе. Полагал бы даже полезным, сократив объем общего для всех юных россиян учебника, подготовить, опираясь на этот же учебник, более пространственные учебники по истории своего региона, используя при этом возможности детализированного ознакомления с экспозицией краеведческих музеев (причем отделов и природы, и истории), тем более, что роль музеев все возрастает в век преобладания визуального восприятия знаний через телевидение, Интернет. Важно, чтобы в историко-сравнительном плане происходило знакомство и с местными достопамятностями, преданиями, даже событиями сравнительно недавних лет и в старших классах тоже (скажем, с тем, что было в годы Великой Отечественной войны в своей родной местности). А в предназначенном для всех учебнике в большей мере показывать *многообразие* природных условий и историко-культурных традиций нашей огромной России, многонациональный характер нашего государства по крайней мере уже с XVI в., сосуществование многих конфессий, и в то же время место России в мировой истории, вклад наших соотечественников в развитие мировой культуры.

Конечно, следует школьников, привыкающих уже к экспериментальным способам проверки при занятиях физикой, химией, биологией, к решению математических задач, в большей мере знакомить с самой методикой работы историка, с путями извлечения информации из исторических источников и истолкования ее, с развитием научной исторической мысли и системы научно-просветительской работы (закрепляя понятия о музеях, архивах, библиотеках, научных экспедициях, публичных лекциях, изданиях документальных памятников и путеводителей по музеям и т.д.).

Очевидно, что Академия наук не может оставаться в стороне от воспитания историей у юных и общественного сознания и навыков научного мышления, и, конечно же, углуб-

ления и конкретизации исторического знания. В Академии наук можно опираться и на многообразие тематики исследований ее сотрудников и на опыт творческого сотрудничества с краеведами. Напомним, что научные основы краеведения в *РОССИИ* были заложены академическими экспедициями XVIII в., а первым членом-корреспондентом Академии наук стал в 1759 г. именно краевед — автор многих трудов об Урале, Приуралье и Поволжье П. И. Рычков, а научные достижения краеведов "золотого десятилетия" были во многом обусловлены тем, что руководство краеведческой работой осуществлялось в Академии наук, — председателем Центрального бюро краеведения и главным редактором его изданий был неперемный секретарь Академии С. Ф. Ольденбург, его заместителями — академики Н. Я. Марр и А. Е. Ферсман; методические рекомендации краеведам разрабатывали М. М. Богословский, Ю. М. Шокальский и другие виднейшие ученые, а для академиков последующих поколений (Н. М. Дружинина, М. Н. Тихомирова, А. П. Окладникова) участие в краеведческих начинаниях стало школой не только просветительской, но и исследовательской деятельности.

Уровень исторической образованности наших современников, и прежде всего школьного возраста, повысится лишь приложением совместных усилий ученых, педагогов, хранителей памятников истории и культуры. И такая, не терпящая отлагательств, научно-просветительская работа может успешно осуществляться только при действенном участии Российской академии наук.

¹ Вестник Российской академии наук. 2002. Т. 72, № 2. С. 146.

² Мясников В. С. Густав Шпет: труды и годы // Шпет Г. История как проблема логики: критические и методологические исследования: материалы в 2 ч. М., 2002. С. 31.

³ Новиков С. П. Математика и история // Природа. 1997. № 2. С. 73.

⁴ Лекции по русской истории профессора С. Ф. Платонова. 7-е изд. СПб., 1910. С. 3.

⁵ Les Etudes regionales en Russie (1890—1990): origines, crise, renaissance // Cahiers slaves. 2002. № 6.

Октябрь 2005 г.

Сигурд Шмидт
советник РАН, академик РАО

"ФЕНОМЕН ФОМЕНКО" В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ?^{2*}

"Новую хронологию" (далее: НХ) математика академика А. Т. Фоменко и его сотрудников рекламируют как "сенсационную концепцию новой хронологии древности и средневековья" — об этом читаем на переплете книги Г. В. Носовского и А. Т. Фоменко 2002 г. "Какой сейчас век?" За последнее десятилетие в нашей стране никакая другая концепция в области истории не имела подобной рекламы в печати, теле- и радиопередачах и не вызывала такой заметный общественный резонанс, столько откликов ученых разных специальностей, — тем самым, сочинения А. Т. Фоменко (далее: АТФ; аббревиатура, принятая в изданиях соответствующей тематики) и его сторонников и суждения об этом (от апологетических до разоблачительных) в средствах массовой информации и в научных изданиях обретают значение исторических источников, имеющих самостоятельное значение при ознакомлении с состоянием общественного сознания и особенно историознания России рубежа веков.

НХ опирается на соображения НА. Морозова, зародившиеся у него еще в конце XIX в., в период долголетнего заключения в тюрьме за революционную деятельность, когда узник начал размышлять о несоответствии датировок событий в Библии и доступных ему астрономических данных. Обратил он внимание и на повторяющиеся совпадения событий и их продолжительности на протяжении достаточно длительного времени и на достаточно обширной территории,

^{2*} В основе статьи — доклад того же названия от 1 февраля 2003 г. на заседании XV научной конференции "Источниковедческая компаративистика и историческое построение", организованной кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета в честь профессора Ольги Михайловны Медушевой.

что допускает отождествление "исторических" лиц, живших, как принято обычно полагать, в разные эпохи (Юлия Цезаря и Юлиана Отступника и др.), передатирование и иную расшифровку событий: так, прототипом Иисуса назван известный христианский "святой" Василий Великий (имя его и означает царственный), подвергнутый казни в 368 г., и не распятию, а столбованию, т. е. был посажен на кол, откуда его сняли, когда исполнилось предсказание о лунном затмении, и он прожил еще одиннадцать лет. Предполагал Морозов и фальсификацию сочинений античных авторов (Цицерона и др.) в средние века и т. п. В 1907 г. Морозов издал книгу "Откровение в грозе и буре", где автором Апокалипсиса признавал не евангелиста Иоанна (Иоанна Богослова), а знаменитого церковного проповедника III—IV вв. Иоанна Златоуста, архиепископа Константинополя, описавшего впечатление от страшной грозы, пронесшейся над о. Патмос в 395 г.

Историко-хронологические построения Морозова были изложены в семитомном труде, получившем по предложению издательства наименование "Христос" (авторское название — "История человеческой культуры в естественнонаучном освещении"), вышедшем, правда, лишь, в 1924—1932 гг. Уже 80-летним, в 1934 г. Морозов стал вырабатывать новый взгляд и на историю русского средневековья¹. Эти соображения его были опубликованы уже посмертно. Но с работой Морозова, представлявшейся ему самому и лицам его окружения продолжением труда по всемирной истории, близкие Морозову лица (подпавшие под обаяние и его личности, и его идей — исторических рассуждений и догадок, недоумений филологического, точнее сказать, этимологического порядка) были знакомы не только по устным обсуждениям, но и по авторским вариантам написанного (или наговоренного) текста.

Н. А. Морозов — мыслитель редких по универсальности дарований и высокой по тому времени образованности в области как естественных и точных, так и гуманитарных наук, обладавший к тому ж замечательным литературным даром и способностями педагога, умевшего изящно и доступно объяснить ранее неизвестное и даже непонятное (в студенческие годы в нем видели будущее светило Московского университета), оказался в тюрьме 28-летним и провел там двадцать три года. Морозов не имел тогда возможности общения с людьми науки и ознакомления с новой мировой научной ли-

тературой — а это обязательное условие, если не зарождения, то, во всяком случае, оформления любой научной теории, тем более проверки ее восприятием специалистов. К сосредоточенным же размышлениям о ходе истории Древней Руси он приступил уже 80-летним в 1934 г.; и окружавшие его в те годы друзья и сотрудники не были специалистами в сфере гуманитарных наук, и, следовательно, профессионально не владели информацией о новейшем в отечественной истории: близкий Н.А. Морозову и академику С.Ф. Ольденбургу Д.О. Святский — один из руководителей краеведческой деятельности в стране, был арестован в период, когда преследовали краеведов, и после 1929—1930 гг. не мог уже вернуться ни в Ленинград, ни к прежней любимой им работе, а В.Р. Мрочек был историком математической науки².

Н.А. Морозову доступны были гениальные прозрения (о строении атомов, о существовании нейтральных химических элементов и пр.), что отмечено академиками С.И. Вавиловым и И.В. Курчатовым³. Морозов способен был к масштабным обобщениям и тонким наблюдениям (даже, как выясняется, о современной общественной жизни, когда заметил в шуточных стихах еще 1918 г.: "Записалася / Русь марксистскую, / А осталася / Монархистскую").

Однако он явно не чужд увлечению фантастическими идеями и склонен был к проектам по меньшей мере странным и практически труднореализуемым. Так, в письме к председателю Совнаркома В.И. Ленину от 11 августа 1921 г. Морозов писал не только о своей работе "по приложению астрономии к истории", ниспровергающей "всю древнюю хронологию, особенно теологическую", но и о "проекте нового упрощения русской орфографии, в основе которой лежит замена точки более бросающимся в глаза значком вроде звездочки, (которая уже и теперь является значком Республики) и соответственно уничтожения заглавных букв, становящихся излишними, что сокращает типографские кассы и пишущие машины вдвое; а собственные имена взамен заглавных букв можно писать с обязательным ударением, что сразу устранило бы неправильное чтение и иностранных фамилий и других собственных имен". Морозов, находившийся в Москве проездом, просил о встрече с Лениным "на четверть часа для разговора". Немудрено, что на конверте письма Ленин написал: "Фотиевой. Ответьте ему письмом, что меня в Москве не было, что я болен. Прочел его письмо и попрошу Луначарского повидаться с ним"⁴. Показательно, что

при перепечатке писем Морозова В. И. Ленину в книге 2000 г. (*Морозов Н. А.* Новый взгляд на историю Русского государства) цитируемый текст опущен и дано лишь краткое упоминание о проекте в обзоре «Упоминания об Н. А. Морозове в книге (правильнее было бы написать: "в книгах". — *С. Ш.*) "Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника"»⁵.

Историко-хронологические построения Н. А. Морозова изначально заинтересовали лишь тех, кто искал пути обоснования мысли о легендарности Иисуса Христа. Математические выкладки Морозова, ставшие основой его исторической "концепции" и лингвистических построений были подвергнуты решительной критике знаменитым математиком А. А. Марковым еще в статье 1916 г. в "Известиях Академии наук"⁶. Свое отношение с изысканной воспитанностью выразил Л. Н. Толстой, которому Морозов в 1907 г. прислал свои сочинения: "Вообще должен сказать, что предмет этот мало интересует меня. Другое дело Ваши записки, которые я прочел с величайшим интересом и удовольствием"⁷.

Как и в дореволюционные годы, построения Морозова и на рубеже 20—30-х годов XX в. не были восприняты серьезно учеными и гуманитарных, и негуманитарных специальностей (а историк Н. М. Никольский даже заметил по поводу первого тома "Христа", что труд этот представляет интерес "скорее для психиатра", чем для историка⁸), но из уважения к жизненному подвигу и научным заслугам видного общественного деятеля, избранного в 1932 г. почетным членом Академии наук СССР, эти труды не подверглись критике в тех формах, которые приняты были в годы "тоталитарного" режима. Имело значение, видимо, и то, что книга (что отмечал и сам автор) "совершенно определенно атеистическая в научном смысле этого слова"⁹.

Хотя Н. А. Морозов сделал очень много для организации научной работы в Петрограде — Ленинграде, оставил воспоминания о личных встречах с Марксом, почитался даже среди самих народовольцев легендарной личностью, подобно Вере Фигнер (которая в 1934 г. назвала себя, обращаясь к нему, "сестрой по революции и тюремному заключению"¹⁰), на Представление О. Ю. Шмидта, руководившего тогда Академией наук, наградить почетного академика в 1939 г. в связи с 85-летием орденом Ленина В. М. Молотов отреагировал так: "Не следует человека, всю жизнь бывшего идейным противником Ленина, награждать орденом его имени"; и ученый был удостоен тогда лишь ордена Трудового Красного Знамени.

Через пять лет, когда стало демонстрироваться изменение отношения властей к "старой" интеллигенции, Н.А. Морозова наградили все-таки орденом Ленина; и в юбилейной брошюре "Николай Александрович Морозов: к 90-летию со дня рождения", написанной его супругой К.А. Морозовой, кратко пишется и об историко-хронологических соображениях ученого. И все-таки, когда мой отец О. Ю. Шмидт, неизменно восхищавшийся живостью ума, многообразием интересов и бодростью духа Морозова, поехал в Борок в июле 1944 г. поздравлять от имени Академии наук ее почетного члена с 90-летием, "высоко оценена" была его "научная работа" именно в области естественных наук. Это цитаты из письма юбиляра О. Ю. Шмидту, и там же: "...а мои историологические работы еще ждут своего признания и четыре их больших тома, которые я Вам показывал и которые уже десять лет назад я предлагал Государственному издательству, еще не напечатаны..."¹¹

Интерес к "историологическим" воззрениям Н.А. Морозова был в 1970-е годы возрожден видными молодыми математиками Московского университета М.М. Постниковым и вслед за ним А.Т. Фоменко и некоторыми их коллегами. Они пытались эти воззрения развивать, используя и новейшую литературу, и методику в области точных наук, и современную компьютерную технологию. Обращались и к историко-филологическим трудам XX в., но преимущественно скептической тенденции, где обосновывались сомнения в датировке и происхождении памятников истории и культуры, в возможности применения тех или иных методик датирования и изучения памятников прошлого, и особенно в достоверности отображения или сохранения следов тех или иных исторических явлений — событий (в частности, военных действий), поступков "исторических" лиц, обстоятельств их кончины.

Однако в начале 1980-х годов М.М. Постников и А.Т. Фоменко "переругались" (определение Ю.М. Лотмана 1982 г.¹²), и дальнейшее публичное развитие НХ (и особенно ее популяризации) связано с именем Фоменко и привлеченных им сотрудников.

Согласно НХ, противостоящей традиционной хронологической концепции истории, известные нам события древности и почти всего средневековья, происходили не ранее второго тысячелетия нашей эры, а памятники истории и культуры, свидетельствующие о них, являются подделками XV — начала XVIII в., и там смещены не только датировка, но и све-

дения об "исторических" лицах и территориях, и явственно обнаруживаются "династические параллелизмы".

Так, произведения античных авторов на древнегреческом и латинском языках выдаются за дело рук мастеров культуры эпохи Возрождения, так же как и античные статуи, а древнегреческий философ Платон (V—IV в. до н. э.), живший в III в. н. э. философ Плотин и византийско-итальянский гуманист XIV—XV вв. Плетон — якобы одно и то же лицо, что явствует и из близкого созвучия их имен; и вообще "античные" события "являются фантомными дубликатами, отражениями средневековых оригиналов"¹³ (под "фантомом", как известно, понимаем причудливое явление, призрак); Вифлеемская звезда, возвестившая о рождении Иисуса Христа, — вспышка сверхновой звезды в 1054 г., а распят Иисус был на горе у Царьграда (Константинополя) на берегу пролива Босфор. Именно там, мол, был основан первый Рим в X—XI вв. н. э., а уже в XIV в. основали его "филиал" — Рим в Италии.

При этом особенно подчеркивается роль предков нынешних россиян в ранних событиях мировой истории и указывается на "сдвиг" более чем на 400 лет в русской истории, так как "события 940—1200 гг. практически полностью аналогичны событиям 1350—1610 гг.", и "средневековая Монголия и Русь есть два названия многонационального государства, раскинувшегося на территории, примерно совпадающей с Российской империей начала XX века", и "это государство иноземные захватчики никогда не завоевывали"¹⁴. Формулируются помимо прочего гипотезы, будто Великий Новгород — это город Ярославль на Волге, а Ирландия в определенный период отождествляется с Россией; Куликовская битва, мол, происходила в центре нынешней Москвы, а московский князь Димитрий Донской и Тохтамыш — одно и то же лицо (и В. А. Кучкин имел основания озаглавить свою язвительную статью: "Новооткрытая битва Тохтамыша Ивановича Донского (он же Дмитрий Туйходжаевич Московский) с Мамаем-маминым сыном (на московских Кулижках)"¹⁵. Оказывается, и Иван Грозный — не реальный человек, а "сумма" нескольких отдельных царей. Остальные "галлюцинации на Мотивы русской истории" (определение академика Л. В. Милова¹⁶) в том же жанре фантастики, выдаваемой за научную. А историческая география — по определению другого академика А. А. Зализняка — становится "наукой о массовых путешествиях городов и стран по лику земли"¹⁷. (Отступления у

создателей НХ от нормальной психики могут представлять самостоятельный интерес не только для медиков, но и для изучающих особенности стиля творческой деятельности. Не исключено, что самолюбию Постникова и Фоменко льстило возможное сравнение с творческой биографией самого великого Ньютона, занявшегося проблемами исторической хронологии?!)

Материалы, доказывающие научную неосновательность НХ, объединены были в книгах 2000 г. издания: «История и антиистория: критика "новой хронологии" академика А.Т. Фоменко» (издательство "Языки русской культуры"), где напечатаны материалы научной конференции на Историческом факультете Московского университета в декабре 1999 г. и некоторые другие (в том числе и более ранние по времени публикации), причем труды не только историков и филологов, но и математиков, физиков и астрономов. Эти же и сходные по тематике материалы объединены в Сборнике Русского исторического общества "Антифоменко" (т. 3 (151); там же помещена и библиография работ 1977—2000 гг. с критикой НХ. В 2001 г. издательство "Языки славянской культуры", поскольку тираж издания 2000 г. был быстро распродан и рецензии на книгу появились во многих СМИ, подготовило "издание второе дополненное" под заголовком "История и антиистория: критика "новой хронологии" академика А.Т. Фоменко: Анализ ответа А.Т. Фоменко". (О разборе Г.В. Носовским и А.Т. Фоменко статьей первого издания этого сборника см. статьи М.Л. Городецкого и А.А. Зализняка.)

В издании "Отчет Российской Академии наук в 2000 году: важнейшие итоги" в разделе об исторических науках сочли необходимым сообщить также о том, что «проведен систематический критический анализ новой концепции всемирной истории (так называемой "новой хронологии"), которая развивается в трудах академика А.Т. Фоменко. В сборнике "История и антиистория" ученые разных специальностей, профессионально связанные с крутом проблем исторической хронологии, показали полную научную несостоятельность построений Фоменко»¹⁸.

В 2001—2002 гг. изданы книги, подготовленные московским издательством "Русская панорама" в серии "Антифоменко". Это и материалы (в основном ранее издававшиеся) конференции декабря 1999 г. на Историческом факультете Московского университета, и книги «Русская история против "новой хронологии"», «Астрономия против "новой хро-

нологий"», и выпуски "Антифоменковская мозаика" с перепечаткой ранее опубликованного и новыми материалами, в том числе и пародийными юмористическими сочинениями с критикой НХ (как верно отмечено в аннотации к сборнику "Антифоменковская мозаика-2": «"Новая хронология" — это серьезно?»: "Смешно — значит, не опасно, по крайней мере нестрашно").

Однако эти полезные издания сочинений действительно научно квалифицированных авторов в скромных мягких обложках теряются среди многообразия книг А.Т. Фоменко, Г.В. Носовского и других в твердых переплетах, с зазывными названиями, с изображениями знаменитых лиц или исторических памятников.

Особенно существенно то, что пропагандисты НХ намеренно уклоняются от ответов на возникающие у критиков их концепции вопросы: кто же из современников или близких предшественников обосновавшего общепринятую историческую хронологию французского гуманиста Скалигера, жившего в XVI — начале XVII в., а так же из современников первых двух царей Романовых, могли создать те памятники, которые ранее все относили к более отдаленному периоду истории? А ведь они сами же подчеркивают то, что это очень трудоемкая деятельность, требующая как специальной подготовки, так и немалого времени, когда характеризуют процесс работы образованнейшего знатока античности в эпоху Возрождения Поджо Браччолини, якобы сочинявшего труд, приписываемый древнеримскому историку Тациту¹⁹. Если античные памятники письменности созданы знаменитостями эпохи Возрождения (причем в разных европейских странах), зачем всем им понадобилось утаивать результаты своего мастерства — и это в век распространения переписки между гуманистами, но в то же время соперничества в славе? И где нашли столько высокоодаренных и широко образованных знаменитостей? Не говоря уже о памятниках изобразительного искусства, предназначенных (и нередко еще в мастерской автора) для публичного обозрения, или о подразумеваемой коллективное участие работе по созданию памятников архитектуры! Скалигер, видимо, оказался в стоворе помимо великого астронома Кеплера и с другим младшим своим современником Шекспиром, действия драм которого происходят и в Древней Греции, и в Древнем Риме! А кто, когда, под чьим руководством мог произвести повсеместно Множество предметов каждодневного обихода, относимых

обычно к эпохе античности и раннего средневековья? И оставалось ли вообще время (не говоря уже об умении и желании) у людей XVI — XVII вв. на массовое производство подделок под старину, столь отличных (и по внешнему виду, а зачастую и по предназначению) от тех, которые были им нужны в повседневной жизни? И как можно было организовать доставку сих многообразных фальсификатов на отдаленные территории, да еще закопать их, чтоб было чем заняться археологам нового времени? Стоило ли расставаться и с монетами из драгоценных металлов, да и вообще чеканить монеты, не имевшие реального хождения на рынке? и т.д., и т.п.

Без приведения данных об организации системы массовой индустрии подделок, тем более массовой же их перевозки, опрокидывается вся конструкция НХ. Об этом писали едва ли не все ученые-гуманитарии, выступавшие с критикой НХ: применительно к отечественной истории: особенно сокрушительны язвительные статьи академиков А.А. Зализняка и В.Л. Янина, о древностях Средиземноморья — статья Г.А. Кошеленко²⁰.

Однако конструкторы НХ цинично утаивают от массового читателя своих сочинений суть подобных критических замечаний, заведомо зная, что познакомиться с ними можно, лишь в сравнительно малотиражных (хотя и высокоавторитетных в научном мире) изданиях; уклоняются они последние годы и от открытого устного диспута с оппонентами.

Невероятность НХ очевидна всякому историку. Да и любой более или менее вдумчивый человек заметит, наблюдая не только экспонаты музеев, но и окружающее нас (и прежде всего старинные здания, их интерьер), что невозможно было 600 — 400 лет назад организовать повсеместно столь массовую индустрию подделок и их перевозки.

На многочисленные фактические ошибки и недостаточное овладение современной исследовательской методикой указано уже в обстоятельных (и во многом очень привлекательных остроумной формой изложения) работах авторитетнейших специалистов, среди которых и академики — языковед А.А. Зализняк, историки Л.В. Милов, В.С. Мясников, В.Л. Янин, математик С.П. Новиков, физик В.Л. Гинзбург²¹). В рекламных аннотациях к изданиям "фирмы Фоменко" неизменно декларируется, что книги их предназначены "для самых широких кругов читателей, интересующихся применением естественнонаучных методов в гуманитарных науках". А.А. Зализняк убедительно показал, что это дезинфор-

мация и используются в изданиях последних лет, рассчитанных на широкую публику "обычные гуманитарные методы". Последнюю свою статью "Принципы полемики по А.Т. Фоменко" А.А. Зализняк заключает фразой: «Итак, математическая непреложность "нового учения" есть фикция. Что же касается гуманитарной составляющей этого учения, то ее уровень находится ниже всех принятых в гуманитарных науках норм»²². Методологическая несостоятельность концепции АТФ и критики использования естественнонаучных методов в трудах историков (и прежде всего археологов), "дикий произвол" в отборе и толковании исторических явлений и особенно в области филологии, убедительно показаны в статье скончавшегося в 2000 г. философа и методолога науки С. В. Илларионова, опубликованной посмертно в № 6 журнала "Вопросы философии" за 2002 г.

Поэтому дополнять их соображения новыми указаниями на ошибки, неточности, подтасовки фактов, беззастенчивое жульничество в печатной продукции сочинителей НХ, пожалуй, уже и ни к чему. Хотя, занимаясь более 60 лет изучением истории России времени Ивана Грозного, я мог бы детально продемонстрировать нелепость суждений их об этой эпохе, а также неосведомленность об исторических источниках той поры и о массиве литературы, посвященной периоду правления Ивана Грозного.

Отмечу лишь то, что сочинители НХ опираются, по существу, на исторические и историко-географические представления того времени, когда творил сам Н.А. Морозов. А с тех пор ведь значительно обогатились возможности исторических наблюдений, расширились междисциплинарные научные взаимосвязи. Теперь можно уже выявлять воздействие географического и даже космического факторов на общество как в строго локализованном секторе, так и в сравнительно узких хронологических рамках; усовершенствовались приемы исследования демографических показателей, сведений о повседневной жизни, микроистории в отдаленные эпохи и опознания реликтов их в последующее время (в языке, в обычаях, в понятиях об экологии и имагологии, в социальной психологии); изменились, кроме того, и понятия о шкале ценности исторических источников, т.е. всего того, что может источать информацию, полезную для историка: фрагменты орудий труда и остатки пищи оказываются подчас интереснее для историка (и особенно этнолога), чем драгоценные художественные изделия, а свидетельства о мигра-

ции (людей и предметов обихода, и того, что относим к фауне и флоре) важнее преданий о подвигах и афоризмов "исторических" деятелей.

Выясняется также очень большая роль подсознания при определении не только вкусовых, но и идеологических предпочтений, в приверженности к определенным историко-культурным традициям (выражающейся, в частности, в стремлении к повторению освященного опытом и конкретными действиями многих поколений, становящемуся уже ритуалом). К познанию прошлого и современности нельзя (как становилось все более очевидным) подходить, опираясь только на представления о главенствующем факторе рационального начала, т. е. на постулат господствующего в конце XIX в. позитивизма.

Выясняется, что первоначальной функцией не только жеста, но и слова на заре человечества было его суггесторное воздействие, т. е. внушение не через рассудок, а через чувство (гипотеза Б. Ф. Поршнева). Общеизвестны уже существенные особенности и отличия в социальной психологии в разные периоды развития человечества. Теперь уже отмечают не только особый тип мышления человека первобытной эпохи, но и особенности психологии и действенности органов чувств (определяющих во многом и рассудочное восприятие) в сравнительно недавнее время. Так, обоняние в XVI—XVII вв. (как показал Р. Мандру) играло в повседневной жизни человека большую роль, чем в последние столетия, когда (с изобретением окуляров) усиливается роль зрения. На человеческое сообщество проецируются также наблюдения из области этологии — науки, изучающей поведение живых существ в естественной среде.

Осознали (прежде всего, размышляя в историческом аспекте о менталитете), что не все постигается, тем более оценивается, в категориях рационализма — и это особенно важно в жизни каждого человека и человечества в целом: любовь и ненависть, симпатия и страх, вкусовые предпочтения, многое в представлениях вероучений, в понятиях о "чести". Тем самым обнаружили высокие достижения в духовной жизни и в отражавшей и выражавшей ее материальной культуре даже в период средневековья, долго воспринимаемого самоуверенно и примитивно лишь как сумрачный этап между светом античности и Возрождения, подготовившего рассвет научной и философской мысли Века Просвещения. В ином свете предстала тогда сама культура простонародья и

значение ее в корневых основах современности, даже ее технологии.

Существенно расширились и, так сказать, историко-географические горизонты — воспитанные в лоне христианской цивилизации, мы теперь в гораздо большей мере связаны с другими цивилизациями, в основе которых иные конфессионально-культурные представления; изменились и понятия о роли европоцентризма (и переселенцев из Европы) и соответственно о месте в предыдущие века неевропейских народов в развитии мировой культуры и в становлении современной шкалы историко-культурных ценностей.

Обо всем отмеченном выше, как и о других новациях в исторических и смежных с ними науках, немало данных содержится в российских изданиях последних десятилетий — особенно Института всеобщей истории и Института научной информации по общественным наукам РАН. Между тем не только новейшая, но и сравнительно новая научная литература (второй половины XX в.), как правило, оказалась не учитываемой при изложении соображений общего характера о путях развития человечества. "Литература", т. е. список, приложенный к книге "Какой сейчас век?", удивляет набором преимущественно устаревших книг (хотя, иногда, и замечательных для времени их первого издания) и случайностью их объединения.

При этом умело имитируется знакомство с новейшей историко-филологической литературой и критическое отношение к ней. Поскольку среди авторитетных ученых-гуманитариев нет таких, которые придерживались бы концепции НХ, то ссылки на их труды обычно даются лишь в тех случаях, когда можно использовать это для скептической критики отдельных положений или методических приемов, упоминаемых в тексте видных современных отечественных историков. В то же время подобный прием создает выигрышную в Рекламных целях видимость обращения к новейшим научным трудам, отечественным и зарубежным. АТФиегосотрудники посуш

факты вне контекста всей затронутой в этом историческом труде проблематики, и явно пользуются тем, что широкая публика, как правило, мало знакома с цитируемыми или упоминаемыми научными сочинениями.

Ученого, занимающегося отечественной историографией, некоторые приемы рассуждений в сочинениях, обосновывающих НХ, возвращают даже в докарамзинскую эпоху разви-

тия исторической мысли и в дошлещеровский период обращения с летописными текстами. Именно подобного рода наивные предположения этимологического характера (о происхождении географических имен, звуковом сходстве имен и фамилий) находим в памятниках историографической самостоятельности второй половины XVIII в.: когда, объясняя происхождение названий верхневолжских городов Решма и Кинешма, обращались к фольклору и ссылались на восклицание персидской княжны, брошенной Степаном Разиным в волжские волны (не говорим уже о том, что Разин не доплыл до этих мест, и персиянка вряд ли успела овладеть русским языком).

А беспомощность (и в то же время самоуверенность) в прочтении летописных текстов явственно заметна, к примеру, при обращении к ним для обоснования версии, будто бы "в эпоху Куликовской битвы Москва еще только-только создается". На с. 401 книги "Какой сейчас век?" читаем: «Лишь *после* (выделено в книге. — С. III.) Куликовской битвы, то есть лишь в конце XIV века, Дмитрий Донской, стал отстраивать Москву, что и говорит летописец прямым текстом: "Князь великий Дмитрий Иванович заложи град Москву камени и начаша делати безпрестани"». Авторам невдомек, что речь идет о начале строительства белокаменного кремля вместо прежнего деревянного; "градом" же, "городом" еще и в начале XX в. называли именно Кремль. Остатки прежнего Кремля из толстенных бревен давно обнаружены археологами, и об этом напечатано в работах, упомянутых в "Литературе" к изданию книги 2002 г.

В данной работе "феномен Фоменко" рассматривается не в плане развития научной (или антинаучной) мысли, а как явление (и даже комплекс явлений) современной нам общественной жизни. Тем самым под "феноменом Фоменко" разумеется не столько сочиненное А. Т. Фоменко и его сторонниками, сколько массовое тиражирование таких сочинений и — главное — ставшее массовым доверие к этой наукообразной продукции, к геростратизму по отношению к прошлому, причем в масштабах как глобальной истории, так и истории своей страны. А это обретает для ученых интерес не только в плане историографическом (подразумевая под историографией также систему изучения истории и распространения исторических знаний²³), но в большей мере в плане изучения общественного сознания и социальной психологии.

При этом не следует отрывать рассмотрение трудов самого АТФ и его сотрудников от иной подобной же квазинауч-

ной литературы недавних лет. Там также прокламируется пересмотр утвердившихся в науке и широком общественном сознании моделей исторического процесса и его хронологии и представлений о датировке исторических событий, памятников истории и культуры и их происхождении. И такие сочинения тоже обычно порождены непрофессионалами исторической науки. Так, И. В. Бестужев-Лада в своей публицистической статье фельетонного стиля, правда, с удачно выбранным заголовком "Антиистория, или Как сделать историю продажной?.." ²⁴, начинает с рассмотрения сочинений С. Валянского и Д. Калюжного, в большей мере опирающихся на первоосновы этой историографической мифологии — на написанное Н. А. Морозовым ²⁵. Иногда эти и подобные им сочинения включают в ту совокупность коммерческой литературы, которую стали называть "фолк-историю".

Имя А. Т. Фоменко взято как нарицательное для рассматриваемого феномена и воспринимается в качестве такового подобно имени Герострата. И не потому лишь, что лица, причастные в той или иной степени к созданию и пропаганде НХ опираются на авторитет академика-математика (так, в книге доктора геолого-минералогических наук И. В. Давиденко "Ложные маяки истории: историческая фантазия", изданной в 2002 г., в главе "Ложные маяки истории" подглавка, следующая за имеющей наименование "Пессимизм Карамзина", озаглавлена "Время Анатолия Фоменко"), а прежде всего потому, что именно Фоменко и его соавтору Г. В. Носовскому удалось осуществить "столь мощно раскрученный коммерческий проект, удачно симулирующий научные исследования" (формулировка Д. М. Володихина ²⁶). Поэтому наблюдения, относящиеся к деятельности "фирмы Фоменко", становятся достаточно репрезентативными при размышлениях о современном состоянии отечественного историознания и манипулировании им. И далее речь пойдет лишь о восприятии литературы последнего десятилетия, когда степень личного участия Фоменко в конвейерном производстве псевдонаучных трудов установить нелегко, но имя академика по-прежнему остается "высокой маркой фирмы".

* *

В 1970—1980-е годы труды, возрождающие историко-хронологические конструкции Н. А. Морозова, но опирающиеся при этом на новейшие литературу и научную техноло-

гию, могли казаться небезынтесными в методическом плане — они выходили в изданиях не только Московского университета, но и Академии наук, Тартуского университета.

Сначала это вызывало далее определенное любопытство у тех ученых, которые были заняты проблематикой точных наук. Они могли представляться своеобразной игрой (а это время особого внимания к теории игр и возможностям ее применения), допускающей любую вариантность при точном следовании абстрактным законам математической логики. Хотя к тому времени логицизм как направление в основаниях математики, отвергающее кантовский тезис о синтетическом характере математических истин и пытающееся определять все в рамках дедуктивной логики без использования каких-либо положений нелогического характера, утрачивал уже свою привлекательность даже в среде математиков. Если тезис о "сводимости математики к логике" признается некорректным, то тем более это должно отнестись к обществоведению.

Но все равно это было в русле давней тенденции пренебрежительного отношения математиков к гуманитарным наукам с их непредсказуемым многообразием факторов и систем их выявления и определения форм взаимодействия, что нашло четкое выражение еще в запомнившейся устной полемике 20-х годов XX в. на заседании Академии наук: тогда вице-президент, математик В.А. Стеклов заявил, что "науки делятся на естественные и протиестественные" (на что другой академик, историк С.Ф. Платонов, ему парировал: "Нет, милостивый государь, на общественные и антиобщественные"). Этим хотелось показать, что историки, не имеющие, как правило, возможности ни экспериментальным путем воспроизвести изучаемое явление прошлого, ни выразить соизмеримыми единицами его конкретное воздействие на будущее, обречены на системы доказательств, кажущиеся менее убедительными, чем принятые в точных и естественных науках, в инженерной практике.

Историки же и филологи, хотя и осознавали, что историческая хронология, давно превратившаяся в составную часть исторической науки, по-прежнему воспринимается АТФ и его сторонниками разделом прикладной математики, были увлечены тогда перспективными возможностями математизации гуманитарных наук и ожидали, видимо, также извлечь для себя нечто полезное. Любопытны, особенно в данном контексте, устные воспоминания 1981 г. видного археолога

Б. А. Колчина о разговоре с ректором Московского университета академиком И. Г. Петровским, приехавшим в Великий Новгород, где работала знаменитая археологическая экспедиция, возглавляемая тогда А. В. Арциховским. Выдающийся математик был человеком широчайшей образованности, книголюбом. Поэтому когда с ним стали говорить о "математизации археологии" и соответствующем оснащении Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР (возглавлявшейся Колчиным), ректор предупредил: "Не увлекайтесь; это так все обоюдоостро... не везде нужна математика; иногда она наоборот вам будет вредить, мешать... надо все это делать невероятно осторожно, продуманно... и не забудьте саму археологию, чтобы у вас вся эта математика не заглушила голыми фактами, голыми таблицами и голыми калькуляторными схемами вот именно то, что вы хотите знать — именно историю культуры, человеческой культуры — историю материальной культуры, историю производительных сил и так дальше"²⁷.

Традиционно полагали, что и рассуждения в духе воззрений Постникова и Фоменко тоже могут стимулировать дальнейшие изыскания. Ведь сомнения — двигатель прогресса; тем более что совершенствование методики исторического исследования зачастую предопределяется уточнением и пересмотром ранее принятых хронологических и локальных данных и выявлением подделок памятников, датирующихся прежде иным временем (что известно даже по учебным пособиям по палеографии и дипломатике).

Показательна позиция Ю. М. Лотмана, которому В. А. Успенский прислал статью Постникова и Фоменко (причем сразу же предупредив, "что не рекомендует и ответственности не несет"²⁸), изложенная в письме от 26 марта 1980 г. к брату его, Б. А. Успенскому: "Статья Постникова — бред! Но печатать будем..."²⁹). Правда, Ю. М. Лотман счел необходимым статью эту "Новые методики статистического анализа нарративно-цифрового материала древней истории" в сборнике 1982 г.³⁰ сопроводить серьезным редакционным замечанием статейного объема. Там сказано: «Однако не следует забывать, что в одном ряду статистических подсчетов как сопоставимые берутся данные из документов весьма различной семиотической природы. Между тем именно от этого зависит "коэффициент искажения". Известно, что с текстами с сильной степенью мифологизации связано стремление к гиперболизации событий. При этом составитель документа

ставит перед собой цель предельно идеализировать изображаемое событие, а не "точно" его описывать. Стремление усилить степень стихийных бедствий, увеличивать число погибших при сражении входит в ритуал составления текста. В этих условиях расхождение документального и астрономического описания может свидетельствовать не о фальсификации или позднем происхождении, а именно о раннем создании, о принадлежности ко времени, когда поэтизация ценилась выше, чем фактичность. Статистическому подсчету затмений должен предшествовать семиотический анализ каждого источника». Это наблюдение подтверждается примером семиотической дешифровки "Песни о Роланде".

Остановился Ю.М. Лотман помимо прочего на "трудно-объяснимых повторяемостях в истории", что привлекло внимание еще Плутарха. Так, уже среди известных ему полководцев было немало одноглазых. Лотман напомнил, например, о живших на рубеже XVIII и XIX вв. Кутузове и Нельсоне и объяснил их специфические травмы тем, что именно они оказывались во время боя впереди сражающихся. Указываются на "поразительные совпадения" в биографиях писателей XIX в.; уязвима и восходящая к Н.А. Морозову система рассуждений, когда "исторические события рассматриваются как взаимно независимые, между тем, как это отнюдь не является очевидным". Убежден Лотман и в том, что понятие "самостоятельности" литературного памятника позднее, ибо не только все фольклорные произведения, но и творения Шекспира "с широчайшей цитатностью и зависимостью от многочисленных источников"³¹. Добавим к этому пушкинского "Евгения Онегина", что убедительно показано тем же Лотманом.

Любопытна близость подобных наблюдений литературоведа и культуролога к рассуждениям математика академика С.П. Новикова. Последний передает свое впечатление еще второй половины 70-х годов от системы доказательств АТФ: "Выслушав Фоменко, я спросил его, как можно делать выводы из столь неточного по своему характеру материала? Это ведь не раздел математической логики. Знаем ли мы, какой уровень точности в древних описаниях? Был ли Фукидид свидетелем событий, придавал ли значение разнице между полным и неполным затмениями? Одним словом подобные выводы — очевидная нелепость"³².

Сторонники НХ на первых порах мало затрагивали область отечественной истории, поэтому видные специалисты

в этой сфере знаний не сочли нужным опровергать такие построения в серьезного значения трудах источниковедческой направленности. Жаль было и времени и сил на дополнительное обоснование того, что и так очевидно всем историкам - как ученым, так и популяризаторам исторических знаний. Полагали, вероятно, и то, что Фоменко уgomонился, тем более что распался его союз с Постниковым и его напугала негативная реакция в Отделении истории АН СССР, и особенно в Отделе науки ЦК КПСС. Затем 29 июня 1981 г. под председательством академика Ю. В. Бромлея (заместителя академика-секретаря Отделения) состоялось заседание, где критиковали НХ. В ответном письме, направленном Фоменко было зафиксировано: "Ваши выводы были подвергнуты решительной критике специалистами шести гуманитарных институтов, а также сотрудниками Астрономического института им. Штернберга"³³. В письме, датированном 28 августа 1982 г. Ю. М. Лотман сообщил Б. А. Успенскому о том, что получил "от Фоменко истерическое письмо о том, чтобы их (т. е. Постникова и Фоменко. — С. III.) статью снять, т. к. в ЦК очень недовольны их публикацией, и он полностью пересмотрел свои взгляды на исторический процесс" (добавив, что "ничего снять уже нельзя", так как сборник со "статьей уже отпечатан")³⁴. Может, не хотелось и столь откровенно выглядеть выполняющими задание ЦК КПСС, тем более что уже была опубликована обойма журнальных статей, опровергающая измышления не только по всеобщей истории, но и сами основы этой историко-хронологической конструкции³⁵. Во всяком случае, в сборнике статей под редакцией И. Д. Ковальченко о математических методах и ЭВМ в исторических исследованиях предпочли ограничиться статьей неисторика Е. Я. Клименкова и опять-таки на зарубежном материале о "династическом параллелизме", т. е. поразительном соответствии продолжительности правления отдельных династий³⁶. По-видимому думали, особенно после информации об обсуждении историками решений июньского Пленума ЦК КПСС в октябре 1983 г., когда однозначно негативно характеризовали НХ³⁷, что интерес к рассуждениям математиков впредь будет ограничиваться сравнительно узким кругом ученых специалистов.

Однако, как выяснилось позднее, АТФ на этом заработал капитал, оказавшись в общественном мнении среди жертв идеологического диктата — а такими, как правило, были ученые новаторских направлений, и, к тому же, с научными за-

слугами, признаваемыми мировой наукой; тем более что шовинистического толка тенденция НХ тогда еще слабо прослеживалась. И А.Т. Фоменко использовал это, выступал по телевидению и радио в 1990-е годы о препятствиях, чинимых прежним режимом, громившим генетику и кибернетику, продвижению его передовой "концепции" (что справедливо подчеркивает в отклике на книгу А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского "Новая хронология Руси" (М., 1998) Б.Г. Литвак³⁸).

Примерно с начала 1990-х годов конструкторы НХ стали уделять проблематике отечественной истории и смежных с Россией государств Востока значительно больше внимания. Тогда же от научного типа статей и малотиражных изданий они переходят к подготовке массовых, книжных и даже многотомных. К заготовкам этой продукции, массовой по тиражам и рассчитанной на широкого читателя-неспециалиста, активно подключаются Г.В. Носовский и другие. Более молодой коллега со товарищи сумели выгодно коммерциализировать научные изыскания (и заблуждения!) видного математика, используя авторитет его академического звания; и ученый не устоял перед соблазном быстрого приобретения известности и легкого обогащения.

В этих изданиях о НХ продолжают ссылаться на Н.А. Морозова и величать его, а авторитет Морозова, как мыслителя и человека высоких моральных достоинств, остается весомым, и другая группа ученых старается ознакомить читателей с архивным наследием того, кого они характеризуют как "русского ученого-энциклопедиста"³⁹.

Правда, Н.А. Морозов относит основные библейские события к III—V векам нашей эры, согласно же методикам А.Т. Фоменко, они происходили в XI—XVI вв. Но это, мол, не "радикальное отличие" "хронологической концепции" Фоменко "от версии Н.А. Морозова", как определяют сами Фоменко и Носовский⁴⁰, между тем, это — показатель того, что ориентация при определении датировки явлений только на данные точных наук, "новые методики *независимого датирования*", "*независимые* эмпирико-статистические и астрономические методы в хронологии"⁴¹ (курсив мой. — С.Ш.) приводит отнюдь не к однозначным результатам, а, следовательно, и не может быть признана заслуживающей полного доверия.

Главное же "радикальное отличие" в том, что массовые издания "фирмы Фоменко" конца прошлого и начала нынешнего столетий, это — уже не научная литература, а ком-

мерческое предприятие, не признающее этических норм, свойственных людям науки и научному творчеству. Светлый образ мыслителя-революционера — хоть и фантаста в области "историологии", но неутомимого искателя научной истины и благородного общественного деятеля — цинично используется в откровенно коммерческих целях, причем в духе "дикого капитализма", взрослого в России после событий начала 90-х годов. Еще Н.А. Морозов писал Л.Н. Толстому в 1907 г.: "Могу сказать только одно: если мои выводы ошибочны, я первый буду рад, когда их опровергнут"⁴², то авторы книг, выходящих под знаком имени Фоменко не склонны и не способны (по своей неподготовленности в области историко-филологических наук и специальных их научных дисциплин) вступить в настоящий научный спор, отделиваясь видимостью серьезности их возражений или уничижительными характеристиками оппонентов, что и рекламируется на переплете книги 2002 г. "Какой сейчас век?": "Авторы не упускают случая дать резкую отповедь недоброжелателям". А наиболее воинственные сторонники НХ, включая знаменитого шахматного гроссмейстера Г. Каспарова, используют лексику, еще недавно считавшуюся недозволенной в обществе людей, признающих себя, если не воспитанными, то хотя бы образованными.

Мнение о массовой продукции "фирмы Фоменко" как о ненаучной начинают сознавать все в большей степени; из изданий высокого рейтинга книги эти постепенно выпадают⁴³, особенно в провинциальной глубинке, где корневые историко-культурные традиции в меньшей мере искажены модой. Четко выразил такое мнение инициатор создания и ректор Российского государственного гуманитарного университета Ю.Н. Афанасьев во время встречи со студентами в октябре 2002 г., когда отвечал на вопрос: «Как вы относитесь к появлению целой оравы людей, придерживающихся "новой хронологии" Фоменко и Носовского?» Ректор сказал, что ученые разных специальностей «сходятся в одном: это шарлатанство, цель которого — извлекать прибыль. Под Фоменко работает много людей, но нет ни одного вменяемого историка. Нас запутывают. Это правда, что история состоит из фальсификаций и мифов — все идеологизировано и политизировано, Фоменко же на этом решил делать деньги, и деньги немалые... Фоменко "попал в струю"... играет на "патриотизме" — в этом ему не откажешь. А с научной точки зрения это, повторяю, шарлатанство чистой воды»⁴⁴.

В книге А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского "Какой сейчас век?" в заключение ("Наш комментарий 2001 года") приводится высказывание Макса Планка. Великий физик заметил, что "новая научная идея редко внедряется путем постепенного убеждения и обращения противников, редко бывает, что Савл становится Павлом. В действительности дело происходит так, что оппоненты постепенно вымирают, а растущее поколение с самого начала осваивается с новой идеей"⁴⁵. В данном случае, однако, можно полагать, что вымрут получающие доход от наукообразных спекуляций, ибо последователей их взглядов среди научно перспективных молодых историков не появилось. Не воспринимать же как серьезную книжку четырех малоизвестных авторов "Заговор против русской истории: факты, загадки, версии", написанную с претензией на публицистическую хлесткость и с явным шовинистическим душком, изданную в Москве в 2001 г. 15-тысячным тиражом! Такого рода издания обычно даже не упоминают в историографических обзорах, но книжка предвараена словом самого мэтра "Вместо предисловия (академик поясняет)"⁴⁶.

Очевидно, судя по сноскам во втором издании в 2001 г. (и притом 12-тысячным тиражом!) постыдной для бывшего профессора Историко-архивного института книги Н.И. Ходаковского "Спираль времени, или Будущее, которое уже было" (где из новейшей литературы упомянуты только эта книжка четырех авторов да творения самих Г.В. Носовского и А.Т. Фоменко), что среди докторов исторических наук других отступников от своей науки организаторам этого бизнеса найти не удалось.

Убежден в том, что сравнительно скоро к многотиражным изданиям книг А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского станут обращаться не для удовлетворения интереса к познанию далекого прошлого или загадок памятниковедения, а при изучении России рубежа тысячелетий. И эпопея наращивания в нашей стране популярности построений АТФ окажется любопытной прежде всего при ознакомлении с особенностями развития массового общественного и собственно исторического сознания именно в эти годы (а также, и с поучительной и для психологов, и для экономистов практикой манипуляций, обеспечивших наукообразной продукции столь быстрый коммерческий эффект).

Задача статьи, повторяю, попытаться подойти к "феномену Фоменко" именно в плане изучения явлений современно-

го общественного сознания и поделиться некоторыми предварительными соображениями историка и современника интервенции агрессивных дилетантов в сферы культуры, исторических знаний и развития наук, рассматривая это также в контексте нашей педагогической практики, воспитания и обучения школьной молодежи.

"Феномен Фоменко" порожден совмещением многих обстоятельств, характерных именно для постсоветского периода, отражающих явления как глобальные, так и присущие особенностям отечественной действительности, — причем в сферах политико-идеологической и социоэкономической, науки, культуры и психологии. Организаторы конвейера массовых изданий "фирмы Фоменко" учли это и в той или иной мере использовали. Пока можно отметить то, что уже сейчас становится очевидным и позволяет определить взаимосвязи и последствия некоторых явлений.

Главное, пожалуй, совпадение во времени специфических обстоятельств общественно-политической жизни и социально-экономических условий в нашей стране с виртуализацией общества, когда реальные явления (действия, предметы) заменяются их образами-симуляциями, и впервые стало ощутимым виртуальное пространство сети Интернет. Примерно, с конца 80-х годов наблюдается погружение в виртуальный мир компьютерных игр, когда стало можно имитировать явления под реальность и вступать с этим иллюзорным миром в общение. Широко распространившееся слово-термин "виртуальный" не имеет еще утвердившегося толкования в русском языке. В "Новом толковом словаре русского языка" Т.Е. Ефремовой (М., 2000) оно объяснено следующим образом: "такой, который может или должен проявиться, возникнуть и т.п. при определенных условиях". "Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения" (СПб., 2000) предлагает такое понимание: "логический, не имеющий физического воплощения или реализованный только в компьютере". И потому-то доверие у сравнительно образованной части общества к сенсационной НХ обнаружилось первоначально у лиц с физико-математическим и инженерно-техническим образованием.

Подход к "феномену Фоменко" в контексте виртуализации общества⁴⁷, когда человек так называемой эпохи Пост-Модерн⁴⁸, погруженный в виртуальную реальность увлеченно "живет" в ней и появляется возможность трактовать общественные изменения и в настоящем и в прошлом с помо-

стью дихотомии "реальное"/"виртуальное", — самостоятельная тема, обещающая интересные наблюдения.

Показательно, что в такой период ощутимых изменений в социокультурных представлениях, в оценках возможностей получения, восприятия и выдачи информации о настоящем и о прошлом, бестселлером в СССР стал документальный фильм 1970 г., сделанный в ФРГ по книге Э. Деникена "Воспоминания о будущем" (режиссёра Л. Райнля), о пребывании на нашей планете представителей внеземных цивилизаций. (Особенно выразительными казались изображения живых существ в скафандрах — на рисунках в районе пустыни Сахара и в Японии.) Фильм демонстрировался в кинотеатрах с программой "Наука и знание". Ю.М. Ханютин в книге 1977 г. "Реальность фантастического мира", приводя суждения ученых о научной некорректности приведенного материала, отметил доверчивый интерес зрителей, завершив заключение: "Это симптоматично"⁴⁹.

Об этом справедливо напомнил также историк-востоковед И.В. Можейко (широко известный как талантливый писатель-фантаст Кир Булычев) в статье, поводом к написанию которой стала НХ. Когда он смотрел фильм, то в сфере знаний своей специальности обнаруживал, "как врет автор фильма и почему он врет. Но вот он выходит за пределы моих знаний, и тут я начинаю сомневаться, а черт его знает, вдруг в этом что-то есть?" Вот тогда несколько образованных, живого ума ученых, группировавшихся в те годы вокруг блистательного выпускника Историко-архивного института Романа Подольного — писателя и ведущего инициативного редактора журнала "Знание — сила", договорились прийти на просмотр фильма вместе и с записными книжками, и "каждый отмечал вранье в пределах своих знаний". Выбрав набор нелепостей, написали об этом статью в журнал. На статью пришли сотни откликов и все, обвиняющие авторов в безнадежном и вредном консерватизме, а заодно и культивирующую такой консерватизм современную науку. Поэтому И.В. Можейко горестно констатирует: "... вот это единство корреспондентов показало, что особенно хорошо видно сейчас, с высоты прошедших лет: движение нашего мира к ирреальному несомненно и неостановимо!"⁵⁰

А когда популярный телеведущий А. Максимов на протяжении двух месяцев беседовал с одним из «участников неформальной группы "Новая Хронология"» (таково самоопределение на с. 12 книги "Какой сейчас век?"), то проводил-

ся опрос: "Верят ли зрители тому, что пропагандируют с телеэкранов, и, оказалось, что до 70% верят"⁵¹.

Совпало это по времени (и, конечно, не случайно) с тем, что книга с нарастающим ускорением утрачивает традиционную и объединяющую поколения роль главного источника знания⁵². Да и в самой книге (и не только в научной, но и в публицистической) теперь больше чем ранее ценят таблицы, схемы, демонстрации расчетов в ущерб достоинствам собственно нарративной основы книги. Подростки гораздо более увлечены компьютерными играми. И, кажется, прав даровитый москвич, тринадцатилетний Саня Пиперский — неоднократно победитель "Интеллектуального марафона" школьников со всей России (сложнейшего конкурса по всем предметам) и в "Турнире Архимеда". Интервью "с нетипичным представителем нового поколения" в газете "Известия" озаглавлено: «И кто теперь читает "Капитанскую дочку"...». Подросток полагает: "Раньше у нас все держалось на каком-то престиже. Сейчас совершенно не престижно иметь много книг в доме или прочитать то, что другие не читали. Все это станет уделом избранных (как на Западе)". Сам юный москвич, к счастью, непрерывно и заинтересованно учится "с помощью энциклопедий и книг" (что отмечено в журналистской "вводке")⁵³.

Но это все скорее сферы социологии, психологии, философии, наконец, футурологии. И как профессиональный историк ограничусь тем, что обычно для поля зрения историка или находится на стыке исторических и других наук, понимая, что это может рассматриваться лишь как предварительный материал для обобщающих суждений культурно-социологического плана. Да и суждения эти будут более уместны тогда, когда можно уже будет определить, насколько заметным и длительным оказалось воздействие "фоменковщины" на общественное сознание и прежде всего историознание.

В конце XX в. во всех странах цивилизации, в основе которой лежит симбиоз культур средиземноморской античности и христианства (в европейских странах и в большей части Америки), наблюдается совмещение слепого преклонения перед знанием, достигнутым как бы автоматически (т. е. с помощью сложнейшей технологии без видимого воздействия человека), и в то же время возрождения веры в ясновидцев, астрологов, знахарей, привидения.

Обнаруживается также склонность к отрицанию казавшихся привычными представлений, и, конечно же, более до-

ступных общественности историко-культурных понятий (как широкого плана, так и о конкретных явлениях и памятниках истории и культуры). Совмещается возрастающая уверенность в едва ли не безграничных возможностях новых научных открытий с ощущением особой привлекательности отказа от ранее принятого, опрокидывания авторитетов, даже осмеяния кажущихся теперь старомодными взглядов в сферах культуры и политики. Это отмечают и психологи, и социологи.

Они же констатируют, что при демонстративном подчеркивании самостоятельности суждений, становится все более массовым доверие к вкусам и оценкам, навязываемым ловкой пропагандой (на уровнях не только общественно-политического сознания, но и бытового обихода). Особенно возбуждающе действует телевизионная реклама, когда зависимость человека от телевидения стала едва ли не всеобщей и наше время характеризуют как видеократию.

В первой половине XX в. виднейшие европейские философы размышляли о том, как отражается в общественном сознании и поведении распространение взамен широкого так называемого университетского образования специализированного, "мозаичного". Знаменитый испанский мыслитель Х. Ортега-и-Гассет, доказывая, что уже в цивилизации XIX в. "возникли ростки варварства и одичания", что, когда "людям науки" несть числа, людей "просвещенных" намного меньше, чем, например, в 1750 г. И "с каждым новым поколением, сужая поле деятельности, ученые теряют связь с остальной наукой, с целостным истолкованием мира — единственным, что достойно называться наукой, культурой, европейской цивилизацией". Эти наблюдения замечательного философа имеют прямое отношение к нашей теме.

Специализация, полагает он, возникла тогда, когда образованным человеком называли "энциклопедиста". Но постепенно "специализация вытесняла в людях науки целостную культуру". К концу XIX в. преобладал в науке "человек, который из всей совокупности знаний, необходимых, чтобы подняться выше среднего уровня, знает одну-единственную дисциплину и даже в этих пределах — лишь ту малую долю, в которой подвизается", и при этом "кичится", именуя "тягу к совокупному знанию" дилетантизмом. Современная наука, продолжает он, "благоприятствует интеллектуальной посредственности и способствует ее успехам". Это "создало крайне диковинную касту" специалистов, которые "хоро-

шо" знают "свой мизерный клочок мироздания и полностью несведущи в остальном". Это "новая порода", ибо "прежде люди попросту делились на сведущих и невежественных — более или менее сведущих и более или менее невежественных". Но специалиста нельзя причислить ни к тем, ни к другим. Нельзя считать его знающим, поскольку вне своей специальности он полный невежда; нельзя счесть и невеждой, поскольку он "человек науки" и свою порцию мироздания знает назубок. Приходится признать его "сведущим невеждой" и такой "господин клубомуделу, в котором он не смыслит, подойдет не как невежда, но с дерзкой самонадеянностью человека, знающего себе цену"; и свое невежество он "выкажет... веско, самоуверенно... ни во что не ставя специалистов". «Неумение "слушать" и считаться с авторитетом, у этих узких профессионалов достигает апогея», и сознание его "остается и примитивным и массовым"⁵⁴.

В то же время не ослабевает тяга внешнего приобщения к реалиям прошлого, точнее к тому, что кажется исторической реальией. Этим обусловлен интерес к так называемым костюмным фильмам и телепостановкам, к использованию напоминаний об истории в рекламных целях, в наименованиях (товаров, общественных объединений и зрелищ, способов поощрения и т. п.). При этом степень действительного соответствия этим историческим реалиям все более уменьшается при массовом производстве и при расчете на массового, а, следовательно, не слишком культурного (не говоря уже о специальной подготовке) потребителя: специфические (индивидуальные) особенности подменяет стереотип, подлинное — подобным или вовсе домыслом. Соответственно падает требовательность к соблюдению исторической точности в произведениях искусства и литературы исторической тематики — даже у профессиональных критиков, акцентирующих внимание (и оценки!) на уровне художественного воплощения замысла.

Особенно очевидно это в кинофильмах и телефильмах, имеющих наибольшую зрительскую аудиторию воспринимающих, и тем самым принимающих именно такое за изображение действительности давних лет. Пример — фильм Никиты Михалкова "Сибирский цирюльник", сделанный не только по зарубежным лекалам (чем должно было поражать публику нашей провинциальной глубинки), но и в расчете на вкус и уровень "знаний" о России также у зарубежного кинозрителя. Его рекламируют как "энциклопедию русской

жизни в великую эпоху императора Александра III". Но, не говоря уже о сюжете, сколько там неточностей в показе реалий и обычаев той эпохи! Следовательно, при постановке фильма, на производство которого потрачено столько денег, не предусмотрели консультации со знатоками быта и памятников материальной и духовной культуры конца XIX в. Это убедительно, с использованием репродукций со многих картин, фотографий и предметов, показано в книге А. В. Кибовского "Сибирский цирюльник: правда и вымысел киноэпопей" 2002 г. К сожалению, немало исторических огрехов (при выходе за пределы отображения дачного обихода) оказалось и в действительно выдающемся фильме того же Н.С. Михалкова "Утомленные солнцем", умно и душевно воссоздающем трагедию людей сталинской эпохи⁵⁵.

А так как главным источником представлений о прошлом, т.е. об истории, являются давно уже не труды ученых историков (тем более документальные публикации), а произведения художественной литературы⁵⁶ и искусства (а теперь особенно киноискусства), то подобный подход к изображению и объяснению прошлого представляется нормой для широкой публики; и обращающийся именно к ней фактически не чувствует ответственности, обязанности по возможности приближаться к исторической правде. Вседозволенность распространяется и на сочинения, представляемые этой публике как научные.

Учитывая обстоятельства, так сказать, глобальной распространенности, организаторы научно-коммерческого мероприятия, эпатирующие общепринятые исторические знания, использовали, конечно, ситуацию коренных общественно-политических перемен в нашей стране, когда рухнул казавшийся незыблемым партийно-государственный строй и поверженной оказались подпиравшая и пропагандировавшая его моноидеология и прислуживающие ей общественные науки.

Такие события обусловили плюрализм мнений и провозглашение этого ранее недопустимого явления новым образом общественно-политической жизни, а, следовательно, и научной тоже; что обеспечило в том числе безнаказанность за суждения, не имеющие под собой не только серьезных, но и вообще каких-либо оснований. А само чувство приобщения к подобной свободе самовыражения приобретало после десятилетий тягостного диктата мысли особо притягательную привлекательность.

В ту пору резко возросла численность публикаций материалов (в печати, по телеканалам и радио), разоблачающих искажение истории нашей страны в XX в. А виноватыми изображали нередко прежде всего ученых. Хотя на самом деле многие из них не имели ранее информации об этих фактах: им ведь тоже ограничивали допуск к секретной документации, а иные опасались проявлять вызывающую подозрение излишнюю любознательность — "ходить бывает склизко по камешкам иным". Тем не менее было, конечно, немало примеров откровенной фальсификации прошлого "профессиональными" историками; и не только сокрытия исторических данных, но и более удобного на сегодняшний день истолкования ранее известного по публичной печати. Это заметно снизило престиж исторической науки (как и других общественных наук) в широком общественном сознании. Поэтому подчас механически переносили явно очевидные "грехи" историков новейшего времени на всех историков, т. е. изучавших куда более отдаленные эпохи (и тоже, естественно, не безгрешных). Обосновывали это в том числе тем, что все историки вынуждены были придерживаться (более того, декларировать свою приверженность) единой методологии, т. е. методологии марксизма-ленинизма, объявленной впоследствии несостоятельной.

Отказ же от вдалбливаемых десятилетиями постулатов (будто общественное сознание всегда определяется общественным бытием и не может само решительно воздействовать на бытие; что характернейшее и наиважнейшее в истории — борьба классов, а смена общественно-экономических формаций — обязательный ход исторического развития) воспринимался многими первоначально как свидетельство того, что у исторической науки вообще нет фундаментальных основ и выверенных опытом научных методик. Тем более что прежде настойчиво приучали к мысли, что в науке истории должно быть одно объяснение явлений и отступление от этого "единственно верного" понимания не просто является отклонением от линии марксизма-ленинизма, но оно антинаучно.

В то же время сами историки получили возможность открыто обращаться ко всему наследию исторической науки, в том числе и к написанному эмигрантами, и к новейшей зарубежной литературе, зачастую новаторской по методике и по методологии. Стали рассуждать о теории истории и об альтернативных путях исторического развития, дискутировать в рамках достаточно широкой проблематики, проявился по-

лемический задор (и не в толковании цитат классиков марксизма-ленинизма, как принято было прежде, а с привлечением многообразной литературы как прошлых лет, так и современной).

Обнаружилось большее сближение наук гуманитарных и естественных, вызванное во всем мире в значительной степени тем, что проблемы экологии — т.е. знания об отношении живых организмов и образуемых ими сообществ между собой и особенно окружающей средой — выходят на первый план в жизни всего человечества; лозунг же защиты природы от техногенных и антропогенных воздействий стал знаменем времени.

Существенно увеличилось взаимопроникновение методов гуманитарных и иных наук; использование математической методики заметно расширило возможности исторического исследования, не говоря уже о повсеместном введении в обиход ученых гуманитариев новых компьютерных и иных технологий. Все это, конечно, отразилось на новых программах вузовского, а затем и школьного преподавания истории.

Расширялись знания по истории также у широкой общественности, начался поток переизданий исторической литературы давних лет, характеризовавшейся ранее как немарксистская или даже антимарксистская. Показательно, что живой интерес вызвали не только сочинения выдающихся русских мыслителей Серебряного века, но и труды классиков исторической мысли XIX в. и прежде всего "История государства Российского" Н.М. Карамзина, формировавшая культуру исторических представлений россиян на протяжении столетия.

Массовый коммерческий успех издания "Истории" Карамзина объясняется не тем, что ее не издавали все советские годы, тем более не апофеозом самодержавия, ибо большего самодержавия, чем при Сталине, в истории России не было, а "самовластие" как раз либеральный консерватор Карамзин осуждал, осмеливаясь именно самовластцем изобразить Ивана Грозного, столь высоко ценимого Сталиным. А потому, как заметил еще В.О. Ключевский, что "взгляд Карамзина на историю строился... на нравственно-психологической эстетике"⁵⁷. А именно этого-то особенно не хватало в сочинениях советских историков, опиравшихся на принципы вульгарного схематизма.

Тогда буквально хлынул поток публикаций — чаще журналистских (но и во многих научных изданиях также), зада-

чей которых было не столько пополнение наших научных знаний, сколько изменение устоявшихся, казалось, представлений о явлениях прошлого, о событиях, лицах, датах, памятниках истории и их судьбе. Узнали, конечно, немало ценного и полезного, но сколько было непроверенного, не подтверждаемого заслуживающими уважения данными, вырванного из контекста, произвольно истолкованного, рассчитанного на сиюминутный эффект! В сложившейся атмосфере ожидания новых исторических сенсаций можно было рассчитывать в том числе на коммерческий успех возвращения к "откровениям" НА. Морозова, теперь уже в рекламной упаковке, соответствующей современному стилю научных технологий.

Книги А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского — высокие образцы продукции так называемой "массовой культуры", сделанные очень умело с чутким ощущением вкусов и возможностей потребителей модных изделий интеллектуального жанра. В наше время, когда диплом о высшем образовании стал для многих едва ли не обязательной принадлежностью, научно-популярные издания также можно отнести к достаточно широко распространенным продуктам индустриально-коммерческого характера. Ведь смысловой диапазон того, что стали вкладывать в понятие "масскультуры" широк: от примитивных форм до сложных — и эстетика масскультуры (и не только в музыкальном или изобразительном искусствах) балансирует между тривиальным и оригинальным, изощренным, иногда даже агрессивным. Это отвечает потребности в досуге, в разрядке, в игре, в общении, поддерживает у самого себя представление о живой умственной деятельности.

Если охранник в часы дежурства довольствуется расшифровыванием загадок кроссворда, радуясь своей способности выбора, скажем, одной из нескольких рек, название которых из пяти букв начинается буквой "Д" (Днепр, Донец, Десна, Дунай...), то в нашем случае уже очевидна демонстрация более высокого уровня образованности, наличия научных интересов и склонности к поддержке сенсационных новаций, кажущихся логически обоснованными, тем более что сомнение (как отмечают психологи) всегда выглядит как знак ума и образованности и способствует самоутверждению и закреплению своего положения в общественном мнении.

Издания книг Носовского и Фоменко — это блокбастер. Подобраны были даровитые "дизайнеры" (или "дизайнер"?) для демонстрации НХ широкой публике. Книги даже внешне

выдержаны в стиле рекламы, свойственной зарубежным зазывным изданиям учебного и научно-популярного типа. Здесь присутствует уверенный стиль изложения и простота языка без злоупотребления иностранными словами, но в то же время с непременным вкраплением научных терминов (тоже иностранного происхождения); нарочитая демонстрация самой методики доказательств и якобы ее доступности; темпераментная подчас полемика; псевдоисториографические пассажи с декларациями, будто историкам, несогласным с их возражениями, нечего им противопоставить; цитаты из трудов других авторов; долженствующие внушить уважение пространные отклонения с научными рассуждениями по частному поводу; указание на данные гуманитарных и особенно негуманитарных наук; схемы, графики, таблицы, сопоставления текстов (как в академических изданиях), иллюстрации, — ведь читателю, считающему себя образованным, следует предлагать продукцию своего рода "ноу-хау". И в то же время авторы не постеснялись в предисловии к изданной в 1998 г. книге "Новая хронология Руси" сформулировать, что "книга написана так, что ее чтение не потребует от читателя никаких специальных знаний". Б. Г. Литвак замечает, приводя эту цитату: «Как просто и удобно! Все дело в том, что для внедрения "концепции" в историческое сознание людей какие-либо "специальные знания" противопоказаны»⁵⁸. При подобных знаниях сразу же обнаруживаются и абсурдность рассуждений и подтасовка фактов — и исторических и историографических. Высокий уровень полиграфического оформления книг и академическое звание автора должны убеждать в том, что издание достойно покупателя, способного отобрать для себя особо значимое в новейшей литературе. Это — издание для "новых русских" и тех, кто не хочет отставать от них по внешнему образу жизни и видимости интеллектуальных интересов.

Большие тиражи, переиздания, академическое звание автора НХ кажутся в такой среде особенно престижными. Именно этим, в частности прежде всего мотивировал свою поддержку НХ, пытаясь спорить с историками в 2001 г. на Международной конференции социокультурного профиля, видный организатор производства и общественный деятель, доктор технических наук и в прошлом министр. То, что академик удостоен высокого звания за заслуги вовсе не в исторических науках, не имело для него значения; также как и не было известно о том, что тиражи романа Булгарина "Иван

Выжигин" намного превышали тиражи выходивших тогда же отдельными изданиями глав "Евгения Онегина" и первого издания всех глав "романа в стихах" в одной книге.

Интерес и доверие к изделиям "фирмы Фоменко" показателен преимущественно для определенной социокультурной среды — лиц из более или менее обеспеченных общественных слоев, с высшим образованием (преимущественно техническим) или получающих такое образование и вышедших из той же среды или стремящихся там оказаться. Эти лица тянутся нередко также к публичной общественной деятельности и следуют особо модному в культурном обиходе своего малого социума, как склонны показать свою причастность к миру искусства, литературы и СМИ те, кто придерживаются ритуала, принятого на сегодняшних тусовках, где обязательны поцелуи и повторы одних и тех же имен, названий спектаклей.

Им самим "культура" их социума представляется приближенной к зарубежным культурным стандартам, позволяющей отбирать кажущееся приоритетным как в технологии повседневности (причем и бытового обихода, и бюрократической организации управления), так и в масскультуре (следовательно, и в ее наукообразной сфере).

При этом особо предпочтительно то, что не уступает внешним (и удобным в пользовании) техническим стандартам зарубежья и в то же время выявляет в чем-то местный колорит и патриотическую настроенность (чему подчас сопутствует и злорадство по поводу бедствий и изъятий зарубежной цивилизации в прошлом и настоящем).

В структурировании НХ обнаруживаются элементы, которые можно счесть за "патриотические". Однако если несколько десятилетий назад исходили из принципа, запечатленного в расхожем выражении: "Россия — родина слонов", и ныне еще находятся в России и особенно на Украине "ученые" и литераторы, выдающие именно предков современных украинцев или россиян за первообитателей "исторических" территорий и родоначальников древнейших правящих династий, то создатели НХ поступают по-иному. И коли начало "российской истории", "истории государства Российского" (как в заголовке многотомной "Истории" Н.М. Карамзина) датируют последними веками первого тысячелетия нашей эры, то и зарубежную историю основательно сократили, лишив ее и античности, и раннего средневековья, а заодно заметно уменьшили территорию исто-

рического действия культурных народов. Напечатано даже восклицание Фоменко 1984 г. (тогда еще только профессора) в кабинете руководящего сотрудника ЦК КПСС: "Я советский, я русский! Я хочу, чтобы наша страна была бы такой древней, как Древний Рим"⁵⁹.

Вероятно, из своеобразно понимаемых "патриотических" побуждений смазывается и ощущение восточными славянами XIII—XIV столетий последствий нашествия кочевников во второй трети XIII в., а российских князей смешивают даже с восточными властителями. Здесь обнаруживается также весьма своеобразное восприятие сочинений Л. Н. Гумилева в части, касающейся Восточной Европы XIII в., более литературно-художественных, чем научно-исследовательских; восприятие, позволяющее мотивировать суждение, будто культурой восточных славян было мало что утрачено в результате нашествия кочевников. Особенно привлекательна, видимо, и противозападническая направленность этих построений Гумилева.

Между тем еще Б. А. Рыбаков, ученый ярко выраженного патриотического настроения, обобщил данные о мартирологе ремесел, процветавших в начале XIII в. Каталог славяно-русских рукописных книг, подготовленный в Археографической комиссии РАН, убеждает в том, что на оккупированной территории не уцелело ни одной рукописи, и дошедшие до нас рукописные памятники из западных и северных территорий Руси — это лишь фрагменты былого богатства. Таким образом, то, что в социокультурной жизни сходствовало с западноевропейским предвозрождением было загублено.

И именно ущерб, нанесенный в ту пору Руси, во многом обусловил дальнейшую экономическую отсталость народов Восточной Европы, особую продолжительность существования крепостного права, определяющее воздействие централизации на развитие и экономики и культуры. И уж если исходить из патриотических побуждений, то следовало не уменьшать масштабы бедствия, не скрывать отсталость, а, напротив, гордиться тем, что после всего пережитого хватило творческих сил с быстротой и интенсивностью, невиданными ни в какой иной стране, подняться до таких достижений в сфере культуры, что великие классики русской литературы определили уже в XIX в. направление развития мировой литературы, а русская наука одарила мир Менделеевым, Павловым, Вернадским, обеспечила россиянам возможность первыми вступить в космос, русское же искусство

(музыкальное, театральное, балетное, изобразительное) во многом сформировало лицо искусства XX в.

Не обошлось также без подчеркивания негативного влияния западноевропейцев на ход отечественной истории, особенно, начиная с Романовых, тем более историков, приехавших в XVIII в. из-за рубежа. В построениях о подделке при Петре I Радзивилловской летописи, не говоря уже об описании деятельности академика Г.-Ф. Миллера как архивиста в книжке Н. И. Ходаковского⁶⁰, повторяется даже терминология литературы времени борьбы с так называемым "космополитизмом" в исторической науке на рубеже 40—50-х годов XX в.

У последышей взглядов сочинителей НХ обнаруживаются и откровенно антисемитские рассуждения: так, в книге И. Давиденко о том, какими инструментами и каким способом были изготовлены памятники материальной культуры, якобы выдаваемые за древние, оказалась подглавка «Ложный маяк "лейтенант Шмидт"», где утверждается, будто главной задачей одесситов в 1905—1906 гг. было создание "интеллигентствующими умниками" "Иудейского царства на юге России"⁶¹. И потому особенно удачной кажется пародийное сочинение Кира Булычева, обыгрывающего методику этимологических упражнений создателей НХ, используя "еврейскую" тему⁶².

Показательно, что верхняя хронологическая граница рассуждений сочинителей НХ о смещении дат и территорий не переходит рубежа XVII и XVIII вв. Как установили социологи, лишь о периоде с XVIII в. сформировались относительно устойчивые понятия об "исторических" личностях России и сферах их деятельности во времени и в пространстве (для более раннего периода, в виде исключения запомнились лишь некоторые государи и полководцы)⁶³. О последних трех столетиях российской истории сложились уже более конкретные социокультурные и визуальные представления — сформировались они, правда, не из учебников (и вообще сочинений историков), а по произведениям художественной литературы (Фонвизина, Радищева, "Капитанской дочки" Пушкина) и от знакомства (реального или визуального, с телеэкрана) с архитектурными памятниками XVIII в., портретной живописью, кинофильмами об этом.

Психологами выяснено уже, что люди гуманитарного склада и инженерно-математического по-разному воспринимают образность мира настоящего и прошлого; имеются у них различия и в стиле "исторической памяти". Конечно, из-

вестны исключения — чертами гуманитарного "видения" был одарен не только И. Г. Петровский, но и математики-академики П. С. Александров и А. Н. Колмогоров: творцами художеств и науки были великие Леонардо и Гёте. А как ярко художественно, сколь образным языком написаны некоторые труды ученых негуманитариев, основанные на строгой логике научных доказательств, но предназначенные в том числе для широкой публики!

Те, кто доверился концепции НХ, видят предметы прошлого вне взаимосвязи и не имеют ясного представления о постепенном возрастании технологических и культурных навыков. Это восприятие зрительно-механическое, не как в музее, где экспозиция определяется закономерностями и особенностями историко-культурного развития, а как в витрине антикварного магазина: там размер и цвет зачастую в большей мере определяют место расположения предмета, чем время его производства и художественная специфика. По существу такое восприятие и бездумное, и бездушное.

Работы по НХ переведены на иностранные языки, так как наша российская историческая наука утвердилась на рубеже тысячелетий как составная часть мировой исторической науки; однако за рубежом они не вызвали такого внимания, как в России (подобно тому, как не было широкого интереса к первым публикациям схожей тематики трудов Н. А. Морозова в советской России). Это показательно и имеет свои объяснения.

Конечно, существенно то, что историческая наука за рубежом, даже в странах социалистического лагеря, после Второй мировой войны не была столь дискредитирована, как у нас: сначала разоблачением силами М. Н. Покровского и его окружения дореволюционных историков и признаваемых "живыми мертвецами" так называемых буржуазных спецов; затем разоблачением самого Покровского и его "школки" с арестами видных историков во второй половине 1930-х годов: Институт истории в системе учреждений Академии наук занял первое место по числу выявленных "вредителей" — там уже к марту 1937 г., по словам директора академика Н. М. Лукина (затем репрессированного тоже), было арестовано более двух третей сотрудников⁶⁴. Наклеивали ярлыки "антимарксистов", "безродных космополитов", т. е. "лжеученых", и позднее.

И наконец, дискредитация науки 1930—1980-х годов в постсоветский период, когда средствами СМИ, но иногда

(увы!) и самими историками, стала внушаться мысль, будто историческая наука всегда была беспринципной служанкой политики, что у нее, в сущности, не было достижений ни в изучении более давних периодов истории, ни в области специальных исторических дисциплин. Замалчивались данные о признании заслуг наших историков зарубежным научным сообществом, где давно научились выделять подлинно научные результаты и пренебрежительно относиться к конъюнктурным работам. Это прослеживается по рецензиям в зарубежных изданиях и даже выявлялось публично и не всегда в приятной форме для чиновных партийных руководителей советских делегаций. Такая традиция восходит, пожалуй, еще к 1928 г., когда в Германии академика С. Ф. Платонова в дни "Недели" советской исторической науки привечали в большей мере, чем руководителя "исторического фронта" в СССР высокого чина партийно-советского сановника М. Н. Покровского; немецкие коллеги только в честь Платонова устроили особый прием. В зарубежье почитается не-серьезным скоро изменять мнение о традиционных исторических понятиях и ценностях.

Неприятие за рубежом НХ объясняется не тем, что там более высокий уровень культуры или подвержены консерватизму в школьном и вузовском обучении. Отнюдь нет — там царит многообразие школьных методик преподавания, а дайджест, т. е. адаптированное изложение произведений художественной литературы, давно уже в обиходе и вытесняет издания подлинных текстов — из программ английских школ устраняют знакомство с творениями Шекспира. В Англии приступают к изданию миллионными тиражами Библии, переведенной "современным" языком, где общепринятые в разговорном обиходе всех слоев населения слова, вышедшие из каждодневного употребления, но обретшие драгоценную патину преемственности культуры и фольклорообразующего начала, заменены современными, употребительными также в деловой документации: так, слово "благодать" заменено "незаслуженными благами", и недаром теологи-традиционалисты охарактеризовали перевод как "модерн, но без Благодати"⁶⁵.

Книжное знание за рубежом еще в большей мере, чем в России подменяется визуально воспринимаемым; ведь именно в подражание иностранцам разбогатевшие "новые русские" в дизайне своих строящихся там вилл не пренебрегают книжные полки. Беззастенчиво искажаются

там факты и в художественных произведениях (тем более в рекламных роликах) исторической тематики (показательный пример — в знаменитом американском фильме 1986 г. о Петре Великом с Максимилианом Шеллом в главной роли, будущая Екатерина I сопровождает царя уже в "Великом посольстве" конца XVII в.).

Однако за рубежом — прежде всего в государствах сравнительно небольших по территории и не лидирующих в сверхприбыльных производствах — особенно драгоценными представляются местные достопамятности, тем более если они напоминают об утраченном ныне всемирном величии (в сферах культуры или политики). Это в основе национального самосознания, а, следовательно, и школьного обучения, воспитания первичных общественно-исторических представлений.

Историзм мышления воспитывается обращением к "священной истории", как в программе обучения, начиная с детских лет, так и церковной службой. Церковные тексты, проповеди, иконы и стенная живопись напоминают о связи времен, об опыте истории и уважении к нему.

Очень важен, конечно, и социально-экономический аспект, ибо туризм историко-культурной направленности — мощная индустрия, обретающая всевозрастающую популярность и приносящая всевозрастающие доходы. Туризм способствует расширению возможностей общения людей разного гражданства и разных конфессий, утверждению понятий о едином культурном пространстве. И оттого не только деятелям науки и культуры, но и коммерческим структурам и государственным показалось бы недопустимым массовое пропагандирование квазинаучных воззрений, отказывающихся привлекательным для соотечественников и для туристов памятникам истории и культуры в их древности и в достоверности.

Таким образом, "феномен Фоменко" в плане развития общественного сознания можно признать фактурой (т.е. своеобразием техники выражения) отечественного менталитета. Причем, именно постсоветского периода и показательной для определенной социокультурной среды.

Как выразительно сформулировал старший из Михалковых, поэт Сергей Владимирович в канун своего девяностолетия: "Здесь надо смотреть в корень. Печатают то, что покупают, а покупают то, что читают"⁶⁶. Такие читатели относятся к многочисленному — увы! — разряду "образованцев", по оп-

ределению А. И. Солженицына, у которых научные знания (и возможности восприятия и применения научной методики) ограничиваются лишь узкой областью их профессиональной специализации.

"Феномен Фоменко" — свидетельство того, как низок уровень исторической образованности, а, следовательно, и самосознания даже среди части "образованной" публики. Тревожит и пагубное безучастие властных структур, государственных и церковных, к тому, что Россию, а также и другие народы и страны, лишают многих веков прошлого, а церковь самых дорогих сердцу и героических страниц "священной истории", и подвигов страстотерпцев за веру, и патристики (т.е. творений великих "отцов церкви" II—VIII вв., в которых изложены основы христианского богословия и философии), и многовековых стараний утвердить христианство на новых территориях, т.е. собственно церковной истории. Ведь отвергается подлинность памятников истории и культуры, которыми изначально привыкли гордиться, и которые представляются для нас фундаментом развития искусств, литературы, науки, общественного сознания в последующие времена, а поколения ученых недавних столетий отказывают в признании результатов их научной и просветительской работы.

И это не может не настораживать, поскольку (как уяснил еще Пушкин) "неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности"⁶⁷. А "дикость и безнравственность", как явствует из истории последних ста лет, оказываются совместимы с внешними признаками образованности и с овладением достижениями современной технологии: напомним о диких формах преследования инакомыслящих (или кажущихся таковыми) в государствах тоталитарных режимов на всех континентах, о газовых камерах для евреев в годы Второй мировой войны, о жутких акциях террористов в первые годы начавшегося тысячелетия, о "кулачном праве" в современной внешней политике.

Поэтому должно попытаться объединить усилия лиц, причастных к деятельности Академии наук и Академии образования, Министерств образования и культуры, общественных объединений, церковных властей в выработке программы разоблачения фоменковской мифологии и в изыскании средств на ее реализацию.

И тут следует признать, что возврат к серьезному обсуждению историками НХ и методики ее конструирования про-

изошел с опозданием, когда уже нанесен был урон исторической образованности и издания, заполонившие полки книжных магазинов, стали пропагандироваться по телевидению. Математики (С. П. Новиков и другие) сочли своим долгом ранее других противостоять фоменковской мифологии на высшем "академическом" уровне, и тем самым защитить в широком общественном сознании представление о достоинстве научных изысканий, о чести точных наук и вообще понятие о научной этике.

Желательно было бы подготовить сборник научно-популярных статей (или, скорее, даже очерков), написанных доступным языком и с привлекающими внимание и вызывающими доверие схемами, таблицами, иллюстрациями. И — непременно особо именитыми авторами: так как публика, читающая и тем более приобретающая книжные изделия "фирмы Фоменко", особенно падка на академические звания. Ведь не случайно в толстых и многотиражных книгах последних лет, написанных Носовским и Фоменко (и, где можно полагать, автором большей части текста является Носовский), на титульном и последнем листах первой написана фамилия Носовского, но на переплете и корешке имя академика впереди. Такими сборниками статей следует обеспечить все библиотеки, обязательно как высших, так и средних учебных заведений.

Вероятно, что потребуется также некоторая популяризация уже напечатанного материала и написание новых по тематике популярных очерков. Обидно, конечно, чтобы такой работе отдавали силы видные исследователи, уже немолодые и думающие больше о том, как успеть хотя бы частично реализовать свои научные замыслы. Но иначе, пожалуй, не обойтись.

Впрочем, полагаю, вряд ли стоит особенно сокрушаться. Ведь тем самым представляется возможность для формулировки важных и дорогих нам соображений историографического и методического планов и демонстрации поучительных источниковедческих приемов. Думается, независимо от изделий "фирмы Фоменко", когда забудут о поводах, побудивших к подобной работе, написанное останется полезным учебно-методическим пособием для научной молодежи, рекомендацией для преподавателей, а, быть может, и примером научно-литературной стилистики. Так, в статьях, к написанию которых вынудила необходимость разоблачить антинаучную методику (а иногда и аморальные действия) сочи-

нителей НХ, не ограничивались только этим, но затронутым оказался комплекс проблем и приемов исследовательской методики историков, собственно археологов, лингвистов — а потому книга "История и антиистория" имеет немалую самостоятельную научно-методическую ценность далее без второй части заголовка («Критика "новой хронологии" академика А.Т. Фоменко») и будет позднее рассматриваться как значительное историографическое явление, использоваться для учебных занятий со студентами.

Следовало бы подготовить (используя во многом те же материалы); кроме того, специальное пособие для учителей. Причем надлежит добиваться высококлассного полиграфического оформления изданий, чтобы они выглядели не менее привлекательно, чем научная макулатура, от которой мы хотим отвести внимание читателя. Важна продуманная публикация помимо прочего газетных статей, быть может, такого типа, которые ранее назывались тассовками, т.е. тексты для напечатания в местной прессе за подписью широко известных авторов, а затем и откликов на них уже местных авторов (в их числе, конечно, уважаемых ученых, педагогов-методистов, музейных работников, археологов, краеведов).

Учитывая первенствующую роль телеэкрана в формировании общественного мнения, программы антифоменковской направленности должны появиться не только на телеканале "Культура", но и на центральных и местных каналах. Великолепно было бы, если бы нашлись писатели и творцы мультфильмов, талантливые и эрудированные или склонные довериться консультациям ученых специалистов, которые сумели бы высмеять историческую безграмотность, методическую беспомощность, фантастически вольный набор фактов и исторических и лингвистических ассоциаций у сочинителей НХ и создать сериал занимательной "антифоменкологии", скажем, передавая мыслительные образы попавшей в Исторический музей Элочки-людоедки, придуманной Ильфом и Петровым, или какого-нибудь "инопланетянина", и чтобы такие мультики стали фольклорообразующими, с расхожими цитатами, — тогда сообразят, как их использовать и для массовой рекламы.

И, конечно, большое самостоятельное значение имели бы регулярные передачи по главным телеканалам о памятниках истории и культуры, и прежде всего допетровской Руси — там бы (независимо от осуществления временной задачи отторжения широкой публики от мифологии, насаждаемой

"фирмой Фоменко") была информации и об истории и времени создания памятников. И, если бы такое внедрялось в массовое сознание, то следующим за модой становилось бы неудобно публично повторять внушаемое сторонниками АТФ.

"Феномен Фоменко" — показатель несовершенства нашей системы внушения исторических знаний, школьного историознания, а также распространения сведений по памятниковедению. И это результат определенных перекосов в народно-образовательной политике, особенно ощутимых при многолетнем забвении краеведческих основ воспитания и неразвитости историко-культурного туризма в нашей стране.

Кроме того, "конструкторы" НХ и те, кто готов, подобно им, столь лихо и безапелляционно подвергать сомнению принятые во всем мире привычные представления о древности и средневековье и о памятниках культуры тех времен, исходили также из субъективных ощущений. Им не были внушены в школьные годы даже самые элементарные понятия о конкретном ходе исторического процесса в зависимости от местных природных условий и местных историко-культурных особенностей и традиций, да еще и о разных путях развития в определенный период времени и в определенных исторических ситуациях. Они мало представляют себе культуру повседневного обихода и менталитет людей давних эпох — в границах отечественной истории, по крайней мере, до петровской эпохи. Немногие запомнившиеся имена, даты, события и памятники культуры воспринимаются без взаимосвязи, вне контекста с остальным, уцелевшим в памяти, ибо в примитивные и по существу безликие идеологические схемы можно уложить все, ограничиваясь общесловием.

И самим учащимся, а зачастую и их родителям, история представляется в виде вынужденно обязательного учебного предмета, доведка к программе обучения тому, познание чего приносит практическую пользу, и полученные в школе сведения в дальнейшем смогут пригодиться разве что при проверке выполнения школьных заданий будущими их детьми. А, следовательно, ни к чему загружать мозг излишней утомляющей информацией, и, действительно, казалось бы, какое может сейчас, по прошествии веков, иметь утилитарное значение ответ на вопросы: царь Иван Грозный умер

своей смертью или был отравлен? Или кто кого убил — Иван Грозный сына или сын отца? Или когда появились первые металлургические заводы и ввезенная из Америки картошка получила распространение как любимая еда европейцев? Или каковы причины заключения международных союзов империй, если самих империй давно уже нет, и геополитическая карта этих территорий перекроена.

Ведь такие соображения можно понять, если преподавание истории не совмещается с комплексом сведений по другим предметам учебной программы, и об обстоятельствах современной жизни, особенно, когда представление об элементарной исторической образованности перестает учитываться при подходе к оценке уровня культуры человека.

Между тем испокон веков именно понятие об опыте прошлого и уважении к нему так называемая "историческая память" лежит в основе формирования общественного сознания — от семьи и подростковой группы до народа в целом. Так как после Октябрьской революции официально провозглашалось (в противоречии с многообразной жизненной практикой!), что главным условием построения "нового мира", ради чего, мол, и свершалась революция, являлось разрушение "до основания" "старого мира", то привычное воспитание историей прервалось. История стала лишь учебным предметом, нужность которого определялась степенью освоения марксистского "обществоведения", убеждающего в скором осуществлении построения "светлого будущего". Поэтому в идеологизированной советской исторической науке, особенно при обращении к широкой аудитории, высокий профессионализм настораживал, даже казался небезопасным.

При этом внимание сосредоточивалось на примитивной характеристике производственных отношений, изображаемых для досоветского периода в виде эксплуатации ничтожным (и обычно паразитического образа жизни) меньшинством богатых остального населения, угнетенного (и к тому еще лишенного каких-либо культурных навыков и интересов). О развитии же производительных сил говорили как бы мимоходом, общими словами и, как правило, не отмечая местные особенности этого процесса, творческую роль народных умельцев, созидавших трудовые традиции.

Установлено, что основы общественного сознания закладываются еще в детские годы, и школа многое предопределяет в формировании общества и особенно массовых обществ.

венных воззрений. Потому-то у всех народов воспитание изначально направлено к усвоению историко-культурных традиций и пониманию (или хотя бы запоминанию) того, на что накладывается табу (т.е. запрет). Это обеспечивает внушение соответствующих идеалов и оценочных категорий. В общественно-политической жизни последних веков, с массовым распространением грамотности, а теперь и визуальным восприятием СМИ, это неизменно учитывается политическими и религиозными идеологами и практиками. Известно изречение германского канцлера Бисмарка о том, что победой во Франко-прусской войне обязаны школьному учителю. И Ленин, встречаясь с делегатами Первого съезда комсомола задал такой вопрос: "Какими людьми прошлого восхищены? Кому хотели бы подражать?" — и инициативно поддерживал идею монументальной пропаганды, т.е. пропаганды оценочных исторических представлений о деятелях прошлого и их идеалах футурологического плана⁶⁸.

Манипуляция с детских лет общественным сознанием является средством к закреплению господства тех или иных воззрений. При этом, как отмечает К. Лоренц, "радикальный отказ от отцовской культуры — даже если он полностью оправдан — может повлечь за собой гибельное последствие, сделав презревшего напутствие юношу жертвой самых бесовестных шарлатанов. Я уже не говорю о том, что юноши, освободившиеся от традиций, обычно охотно прислушиваются к демагогам и воспринимают с полным доверием их кометически украшенные доктрины"⁶⁹.

Среди строивших новое социалистическое общество было немало романтиков, искренне преданных новому идеалу и самим примером своего поведения, воспитывавших у юных лучшие черты человеческого поведения. Пафос новостройки казался по-настоящему привлекательным; и "Как закалялась сталь" Николая Островского (не говоря уже об образе автора романа), и книги Аркадия Гайдара были многими по-настоящему любимы. В определенной мере также пионерская организация (сплывающая коллектив не только призывными лозунгами), с ее лагерями и дворцами культуры (чем, несомненно, являлись так называемые дворцы пионеров), была нужной и сыграла немалую положительную роль в росте культуры тех, кто вышел из полуграмотных и неграмотных семей. (Потому-то отсутствие ей какой-либо замены, как убеждаемся, оказалось пагубным, даже трагичным для слишком многих детей последнего десятилетия!)

Общественные воззрения поколений, спасших нас и весь мир, победив во Второй мировой войне, были по существу еще симбиозом историко-культурных традиций, перенятых у старших — у отцов и дедов, воевавших не только в Гражданской, но и в Первой империалистической войне (т.е. многовековых корневых и сформировавшихся в годы войны с Германией), и уже воспитания в вере именно в социалистическую Родину, в идеи собственно "советского" патриотизма.

"Связь времен" была насильственно прервана как раз в системе восприятия историко-культурных традиций, что наиболее ярко выразилось в одновременном отрешении от "старого мира" и исторических понятий и религии. Насажение забвения, неприятия — и по сути непонимания особенностей истории своего Отечества, а затем и всемирной, — началось едва ли не с первых послереволюционных лет, внедрялось официально М. Н. Покровским и Н. К. Крупской и все в большей мере становилось необратимой реальностью, особенно, когда на рубеже 1929— 1930-х годов порушили краеведческую деятельность на местах. Этим был нанесен урон не только развитию и распространению знаний, но и формированию нравственных основ у подрастающей молодежи.

Осуждение "школы Покровского", возвращение преподавания гражданской истории вернуло в школьную программу некоторый минимум фактических знаний, но слишком общих, не ощущаемых ни душевно, ни даже визуально. Ибо строго наказано было придерживаться во всем единообразия стабильных учебников, одинаковых для всех местностей огромного многонационального и многоконфессионального государства, с многообразием естественно-географических условий и историко-культурных традиций, да еще при одинаковых для всех рекомендациях планов уроков в классе и системы занятий. Даже в местных музеях краеведческой тематики предписано было придерживаться единообразия системы экспозиции с использованием одних и тех же цитат классиков марксизма-ленинизма, иллюстрацией к которым и должна была восприниматься музейная экспозиция.

И позднее, когда сам Сталин напомнил о "великих предках", и стало допустимым выявлять доблесть в деятельности лиц, даже далеко непролетарского происхождения, все-таки внимание акцентировалось на исключительном, особо достойном славы; а посему безусловно полезные в плане расши-

рения собственно исторического кругозора организованные под руководством ЦК ВЛКСМ полутуристические походы школьной молодежи проводились под лозунгом "революционной, боевой и трудовой *славы*" (курсив мой. — С. III.).

Каждодневный обиход, связь общественной текущей жизни с природными условиями недостаточно выявлялись без подсказки экскурсовода, особенно там, где средства позволяли иметь фактически два музея в одном здании — природы и исторический (или историко-культурный). И потому следует приветствовать усилия музейных работников заменить прежние экспозиции на новые, акцентирующие внимание на специфике местной повседневности на протяжении столетий. А в музеях "исторических" городов стали умело демонстрировать производство, начиная с первобытных времен, и особенно детально как раз для XVI—XVII вв. техники производства тех или иных изделий, комбинируя подлинные предметы (или их фрагменты), рисунки и чертежи. Умелому учителю, да и пытливому школьнику это помогает конкретизировать понятие о медленности и сложности даже самых элементарных производственных процессов в средние века. Но, к сожалению, музейная экспозиция не всегда корреспондируется с информацией учебных пособий.

В педагогической практике давно уже установлено, что приобщение к познанию прошлого лежит в основе становления знаний об обществе, взаимосвязи времен, тем более закономерностей общественного развития, является путем к первичному осмыслению системы, которую по-ученому определяют как "общество-человек" (а также "общество-ученик"). В России нового времени, по крайней мере с Ломоносова, Новикова, Карамзина, убеждены были в том, что в программе обучения детей истории отведена главная воспитательная роль. О том же писал и Пушкин. Эта мысль заложена в основу плана воспитания и обучения наследника российского престола Жуковским⁷⁰. Пушкин убежден был в том, что это (употребляя научную терминологию) в генофонде нашем:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам⁷¹.

Это предопределяло то, что стали позднее характеризовать как краеведческую направленность школьного препода-

давания. К. В. Ушинский писал о "родиноведческом принципе". Его сотрудник и последователь Д. Д. Семенов, преподававший и географию и словесность, подготовил хрестоматии по "отчизноведению" или "отечествоведению" по отдельным регионам страны, куда включены были и фрагменты художественной литературы. С конца XIX в. при поддержке земств, предпринимаются усилия "локализации" школьного преподавания. Исходили из того, что учитель должен пытаться поставить учащегося в положение маленького исследователя, а исследовать можно первоначально только то, что поддается непосредственному наблюдению и переживанию — так формируются и понимание "общего" и "особенного", зачатки представлений об анализе и синтезе.

Такой подход приучал к наблюдению над взаимосвязью общества и природы и ролью человека не только в использовании природных ресурсов, но и в погублении природы, убеждал в нерасторжимости предметов "география" и "история"; ведь еще Петр Великий утверждал, что "историю читать без географии все равно, что ходить по улице с завязанными глазами". Однако, особенно после издания "Краткого курса истории ВКП(б)" в конце 1930-х годов, где отмечалась недопустимость преувеличения значения географического фактора в истории, в учебных пособиях по истории для географических данных почти не находилось места, не говоря уже о вузовских учебниках.

По существу, географический фактор учитывался в учебниках по истории преимущественно при изложении материала о ранних периодах ее, ибо без того нельзя было объяснить преобладание того или иного типа производственной деятельности. В разделах же, посвященных новому времени, вопрос о воздействии географических особенностей на ход истории, особенно каждодневного обихода людей, обычно обходили. Знакомили лишь с азами геополитики. И это при том, что долгие годы не преподавалось краеведение. Такой отрыв исторической (и собственно историко-культурной, историко-экономической) информации от естественно-географической допускал возможность предположения о наличии в XVI—XVII вв. природных ресурсов и путей общения для производства и перемещения великого множества изделий, доселе признававшихся древними.

Связь развития общества и природы, особенно в повседневной жизни, в формировании традиционных обычаев и общественных предпочтений наиболее явственно ощущает-

ся при ознакомлении с прошлым и настоящим своей малой Родины, т. е. с тем, что является проблематикой краеведения. И существенно важно для воспитания юных и для сплочения поколений введение краеведения в школьные программы. Однако, если это доверено учителю, которому не присуще краелюбие, который не способен в малом увидеть большое, в капле источника познания водного пространства в целом, и которому не присуще стремление обогатить этим добрым знанием других, то могут возникнуть антипатия и неуважение к этому новому предмету, отношение к нему, как к лишнему в программе. Увы, так выразился, отвечая на вопрос журналистки такой неординарный мальчик, как уже упоминавшийся Саша Пиперский. Он назвал москвоведение среди предметов "левых", необязательных, о которых сказал: "...просто говорильня. Лучше бы их не было"⁷². Это означает, что учитель преподает не по зову души, не любит этот предмет (а подлинное краеведение — всегда и краелюбие!⁷³), не освоил методику передачи краеведческих и памятниковедческих знаний, незнаком с новейшей москвоведческой литературой, адресованной и учащим и учащимся. Ибо как раз по школьному москвоведению реализована в последнее пятилетие большая и многообразная программа и ныне, особенно после выхода изданий к 850-летию Москвы, где имеется немало важного справочного материала, разворачивается по-новому более углубленная, многотемная исследовательская и просветительская работа в области москвоведения. В этом убеждают, в частности, ежемесячные презентации новых изданий, организуемые по инициативе заведующего кафедрой региональной истории и краеведения Историко-архивного института РГГУ В. Ф. Козлова. Выяснилось, что преподавание краеведения необязательно поручать учителю истории, иногда это лучше может получиться у учителя литературы, географии, биологии, физкультуры, труда, особенно если совместить с туристическими походами или соучастием в реставрации и охране памятников истории и культуры.

Учебники — ведь это не только ключи к извлечению знаний и к освоению способов доступа к этим знаниям, но и к ознакомлению с развитием и использованием знаний предшественниками. И пытливым, склонным к научным изысканиям это особо привлекательно. В учебниках по физике, химии, биологии узнаем и об этом; там даже помещены портреты знаменитых ученых, особенно таких, фамилии которых дали наименования научным законам и инструментам, еди-

ницам измерения. Об ученых же историках сведения обычно даются лишь в разделах по истории культуры, в обойме имен других современников.

Мало заметен историографический элемент — не получают сведений ни о первооткрывателях новых методик выявления и изучения исторических источников, ни об авторах концепций, ни о борьбе мнений. Создается впечатление, что излагается общепринятая трактовка исторических явлений (и, видимо, давно уже устоявшаяся), не ощущается то, что есть сферы исторической науки, где можно ожидать новых открытий.

Даже в учебниках, изданных после того, как плюрализм мнений сменил обязательность декларирования однозначных положений и не только допустимой, но и пропагандируемой становится толерантность, т. е. терпимость к иным мнениям и манере поведения. Правда, в разных учебниках заметны разные подходы к явлениям, разные трактовки и оценки исторических событий и деятелей, но чаще всего без обоснования того, почему авторы придерживаются (а, следовательно, и рекомендуют то же другим) именно таких соображений и заключений, с какими мнениями и в какой мере несогласны. А книги, излагающие НХ, подкупают (в отличие от большинства учебно-просветительских сочинений) нетривиальностью подходов, полемическим, боевым стилем изложения, наукообразием системы доказательств, ощущением ноу-хау, т. е. побуждают задумываться, а не запоминать и принимать изложенное на веру.

В большей части учебной и научно-популярной литературы отсутствует также источниковедческий элемент, а в век науки о науке интересно узнать не только о том, что, где, когда и как происходило, кто был действующим лицом данной клеточки пространства исторического процесса, но и на основании чего мы об этом узнаем; полны, репрезентативны ли наши данные; какие приемы использованы для их выявления и проверки? Именно так вовлекается читатель — и учащийся тоже — в творческий процесс познания, соучаствует в нем.

И потому очень полезным представляется переиздание научно-популярных книг источниковедческой направленности, как вышедшая недавно книга (2002 г.) выдающегося историка А. П. Каждана "В поисках минувших столетий" о том, что такое исторические факты (а "факты — это воздух учебного", такими словами начинается обращение к юному чита-

телю), как их устанавливают, каковы источники исторической информации. По опыту детства моего и моих сверстников понимаю, как хорошо и то, что издательство "Олмапресс" переиздает небольшие по объему, но впечатляюще написанные биографии "Биографической библиотеки" Ф. Ф. Павленкова. Следует подумать о переиздании, с обобщением нового опыта, учебного пособия 1988 г. о документальных памятниках⁷⁴, тем более что большой раздел, написанный В. Е. Тумановым, стал основой книги того же автора "Школьный музей" (2002г.).

Становится все более очевидно, что следует многое менять в программах преподавания истории и распространения исторических и памятниковедческих представлений, понятий о природном и культурном наследии. Полезно было бы восстановить учебные программы по телевидению по истории и прежде всего по отечественной истории и памятниковедению. Необходимо предпринять серьезные объединенные усилия Российских академий наук и образования, Министерств образования и культуры к тому, чтобы историознание — и особенно в его историко-культурном аспекте — стало интересным, занимательным, нужным и для тех молодых людей, которые заведомо убеждены в том, что предмет "история" далек от их будущих жизненных интересов.

Вероятно, не так много молодых людей ощущают призвание к занятиям историей (и к тому имеются и материальные предпосылки — низкая оплата труда лиц нашей профессии). А ведь в странах социального благополучия особый интерес к истории своей местности своего рода — один из знаков цивилизованности, и в зарубежных архивах (особенно провинциальных) немало посетителей, чаще всего уже не молодых, выискивающих документы такой тематики⁷⁵. Возрождается у нас также генеалогия — наука о происхождении и родственных связях отдельных лиц и одновременно методика составления и обоснования родословий. Главной задачей всякой научной работы является стремление к установлению истины. В плане генеалогии, это определение с возможной полнотой и в хронологической последовательности родственных связей, составление поколенных росписей, выяснение биографических данных обо всех лицах. А подобная любознательность оказывалась не всегда безопасной для советских граждан и их близких, ведь таким путем могли выявиться родственники и за границей, и среди тех, кого положено было клеймить как "врагов народа"⁷⁶.

В России были славные традиции генеалогических исследований, преимущественно, конечно, дворянских родов, но советские годы удерживались они преимущественно при изучении допетровской эпохи. Сохранением их для нового времени мы более всего обязаны тем, кто изучал биографии самых "великих", прежде всего Пушкина, в меньшей мере Герцена, Л. Толстого. Только в таких редких случаях исследователи рисковали без опаски доводить генеалогическую информацию до наших дней.

Ныне наблюдается массовое обращение к генеалогии периода трех последних столетий, и, конечно, не только к дворянским родам⁷⁷, развиваются смежные с генеалогией научные дисциплины, получившие название "биографика" и "просопография" (от греч. "просопон" — "личность"), которые изучают биографии отдельных лиц (включая их социальный статус, имущественное положение, вклад в общественную жизнь, в развитие культуры), взаимосвязи их (и отдельных родов) с другими лицами. К такой тематике, цементирующей взаимосвязи и взаимопонимание поколений и формирующей понятие о родовых (фамильных) чести и традициях, стала тянуться и молодежь.

И потому особенно радуют работы школьников-участников всероссийских конкурсов последних лет. Они отличаются смелостью и самостоятельностью в выборе тем и современной технологически добротной методикой. Они свидетельствуют и об овладении определенными навыками комплексного источниковедения, так как основаны на ознакомлении с материалами музеев и архивов, используют приемы, принятые теми, кто обращается к "устной памяти", и явно обнаруживают трудолюбие. Это заметно также по работам тех, кто участвует в конкурсах, которые много лет уже организуются Центром детско-юношеского туризма и краеведения Министерства образования РФ. Данный аспект мне особенно известен, так как я председательствую третий год в Жюри Всероссийского конкурса исторических исследовательских работ для старшеклассников "Человек в истории. Россия — XX век", организованном обществом "Мемориал" при участии РГГУ, Союза краеведов России, Российской академии образования. Проводятся конкурсы и в областных центрах. Наиболее поучительна многолетняя плодотворная работа руководителей, заинтересованных в краеведческих изысканиях о Петербурге. В нем и в Ленинградской области практикуют-

ся конференции школьников и издание сборников статей юных краеведов.

Ни этих молодых людей, ни их учителей, безусловно, не затронула "зараза" антиисторического подхода к событиям и памятникам прошлого. И особенно приятно бывает узнавать от учителей, что они воспитывались на учебных телепередачах 1970—1980-х годов. Мои собственные передачи по отечественной истории до XIX в. (повторявшиеся не один год) проводились из залов Исторического музея в Москве: хотелось, чтобы и в дальних краях узнали об этой музейной экспозиции и создавалось предметное представление как о жизненном обиходе, так и об изменении его во времени (а потому позволяли демонстрировать и материалы, принесенные в зал из запасников).

Даровитые молодые люди обычно тянутся к тем занятиям, в сфере которых они могут полнее проявить себя, ощутить радость открытия. Прежде чувствовавшие призвание к занятиям историей быстро осознали, что больший простор для самостоятельных изысканий открывается в изучении древних периодов истории, т. е. тех самых тысячелетий и столетий, которые пытаются отнять у нас и у исторической науки ревнители НХ. В истолкование же явлений близкого к нам времени более властно вмешивались высшие идеологические инстанции. Теперь же резко возрос интерес к новой, и особенно нашей новейшей истории. Люди почувствовали, что можно безбоязненно писать обо всех темах, и о том, что ранее утаивалось, искажалось, чернилось, обо всем происшедшем и в Советском Союзе, и в жизни российской диаспоры за рубежом, что можно и особенно интересно изучать историю своей малой Родины и своих родных. И некоторые работы оказываются такими интересными и свежими по привлеченному материалу, что рекомендуются к печати и публикуются в сборниках научного типа (не говоря уже о газетах, на страницах которых начинали свой путь также в прежние времена многие историки).

Совершенно очевидно, что необходимы незамедлительные серьезные усилия к приобщению нашей школы к прогрессивной методике внушения историознания, допускающей при этом авторские варианты и новации. Недостаточность и неконкретность собственно историко-культурных представлений школьников в определенной мере обусловлена также тем, что из зарубежных образцов методики, педагоги ориентируются преимущественно на американскую

практику, т. е. практику страны, не имеющей корневых исторических традиций, а не на европейскую или восточноазиатскую, где освоение технологического новаторства намеренно совмещается с развитием унаследованного из глубины веков, ставшего характерной чертой ментальности народа.

Хотелось бы думать, — и для нас в этом плане является уроком интерес к "изделиям" "фирмы Фоменко", — что новая программа историознания как по существу, так и по времени, отведенному для нее в организации учебного плана, обеспечит изначально иммунитет к антинаучным и методически несостоятельным представлениям о ходе исторического процесса и о памятниках истории и культуры.

¹ *Морозов Н.А.* Новый взгляд на историю Русского государства. М, 2000. С. 3.

² Там же. С. XXXVII, XLI (статья С.И. Валянского "Н.А. Морозов - историк"). О специальности В.Р. Мрочека, научного сотрудника возглавляемого Н.А. Морозовым научного института им. Лесгафта читаем: "Математика, методика технической математики; история наук", см.: Научные работники Ленинграда. Л., 1934. С. 248.

³ *Морозов Н.А.* Новый взгляд... С. 761 (перепечатка ст. П. Прудковско-го в "Книжном обозрении" за 1985 г. № 51. С. 15); *Морозова К.* Николай Александрович Морозов: к 90-летию со дня рождения. М.; Л., 1944. С. 27.

⁴ Литературное наследство. М., 1971. Т. 80: В.И. Ленин и А.В. Луначарский: переписка, доклады, документы. С. 280 — 281.

⁵ *Морозов Н.А.* Новый взгляд... С. 680.

⁶ *Марков А.А.* Об одном применении статистического метода (о статье Морозова "Лингвистические спектры") // Известия АН Отделения русского языка и словесности. 1916. Т. 10, № 4. С. 239-242.

⁷ Цит. по: *Морозов Н.А.* Повести моей жизни. М., 1947. Т. 3. С. 384.

⁸ Цит. по: *Чанцев А.В.* Морозов Николай Александрович // Русские писатели, 1800— 1917: биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 138.

⁹ Литературное наследство. Т. 80. С. 310 (письмо Н.А. Морозова В.И. Ленину).

¹⁰ Цит. по: *Морозова К.* Указ. соч. С. 30 — 33.

¹¹ *Морозов Н.А.* Повести... С. 755 (письмо Н.А. Морозова академику О.Ю. Шмидту от 18 июля 1944 г.).

¹² *Лотман Ю.М.* Письма. М., 1997. С. 644 (письмо Б.А. Успенскому от 28 августа 1982г.).

¹³ *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Какой сейчас век? М., 2002. С. 233.

¹⁴ Слова А.Т. Фоменко. Вместо предисловия (академик поясняет) // *Бочаров А.М., Ефимов Н.Н., Чачух И.М., Чернышев М.Ю.* Заговор против русской истории (факты, загадки, версии). М., 2001. С. 12.

¹⁵ Отечественная история. 2000. № 4. С. 9— 16. (Далее: ОИ.)

¹⁶ *Милов Л.В.* К вопросу о подлинности Радзивилловской летописи (О так называемой версии А.Т. Фоменко) // Сборник Русского исторического общества. М., 2000. Т. 3 (151): "Антифоменко". С. 31.

- ¹⁷ Зализняк А.А. Принципы полемики по А.Т. Фоменко // История и антиистория: критика "новой хронологии" академика А.Т. Фоменко: анализ ответа А.Т. Фоменко. М., 2001. С. 549.
- ¹⁸ Отчет о деятельности Российской академии наук в 2000 году: важнейшие итоги. М., 2001. С. 43.
- ¹⁹ Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Указ. соч. С. 276 — 284 (подглавка: "Античный" историк Тацит и известный писатель эпохи Возрождения Поджо Браччолини).
- ²⁰ Зализняк А.А. Лингвистика по А.Т. Фоменко // История и антиистория. С. 18 — 75; Янин В.Л. "Зияющие высоты" академика Фоменко // ОИ. 2000, № 4. С. 3 — 9; Кошеленко Г.А. Об истоках одного фантастического жульничества // Сборник Русского исторического общества. Т. 3 (151). С. 47-52.
- ²¹ Предисловие В.Л. Гинзбурга к статье Ю.Н. Ефремова и Г.А. Завенягина «О так называемой "новой хронологии" А.Т. Фоменко» // Вестник Российской академии наук. 1999. Т. 69, № 12. С. 1081.
- ²² История и антиистория: критика "новой хронологии" академика А.Т. Фоменко: анализ ответа А.Т. Фоменко. С. 553, 556.
- ²³ Шмидт С.О. Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997 (статья "Некоторые вопросы источниковедения историографии", "Архивный документ как историографический источник").
- ²⁴ Вестник архивиста. 2000. № 1(55). С. 261-274.
- ²⁵ Книги выпущены в серии "Хронотрон: версии мировой истории" издательством "Крафт" за один 1998 г. Их заголовки: "О графе Гомере, крестоносце Батые и знаке зверя"; "Путь на Восток, или без вести пропавшие во времени"; "Явление Руси", "Тьма горьких истин. Русь".
- ²⁶ Володихин А.М. Место "новой хронологии" в фолк-хистори // Сборник Русского исторического общества. Т. 3 (151). С. 56.
- ²⁷ Цит. по: Споров Д.Б. Устные воспоминания об А.В. Арциховском: к 100-летию со дня рождения // Археографический ежегодник за 2002 год. М., 2004. С. 389.
- ²⁸ Лотман ЮМ. Письма. С. 644.
- ²⁹ Там же. С. 600. Отрывки из писем приведены в кн.: Антифоменковская мозаика-2. М., 2001. С. 5 (раздел "Наш архив").
- ³⁰ Учен. зап. Тартуского ун-та: труды по знаковым системам. Т. XV: Типология культуры, взаимное воздействие культур. 1982. Вып. 576. С. 24-43.
- ³¹ Антифоменковская мозаика-2. С. 88 — 92.
- ³² Новиков С.П. Математика и история // Природа. 1997. № 2. С. 71.
- ³³ Цит по: Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Указ. соч. С. 10.
- ³⁴ Лотман Ю.М. Письма. С. 644.
- ³⁵ Голубцова Е.С., Кошеленко Г.А. История Древнего мира и "новые методики" // Вопросы истории. 1982. № 8. С. 70 — 82; Голубцова Е.С., Смирин В.М. О попытках применения "новых методов статистического анализа" к материалу древней истории // Вестник древней истории. 1982. № 1. С. 171—195; Голубцова Е.С., Завенягин Ю.А. Еще раз о "новых методах" и хронологии Древнего мира // Вопросы истории. 1983. № 12. С. 63—83; Вассович АЛ. По поводу статьи М.М. Постникова и "культурно-исторических" публикаций его последователей // Вопросы истории естествознания и техники. 1984. № 2. С. 114—125; а также другие работы.

- ³⁶ *Клименков Е.Я.* Об истолковании так называемого династического параллелизма // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985.
- ³⁷ Вопросы истории. 1984. № 1. С. 115—116, 119; *Тихвинский С.* Советская историческая наука в преддверии XXVII съезда КПСС // Коммунист. 1986. № 1.
- ³⁸ *Литвак Б.Г.* Парадоксы российской историографии на переломе эпох. СПб., 2002. С. 13—139 (перепечатка статьи: Старая мифология "новой хронологии" в зарубежном "Новом журнале" (Нью-Йорк) за 2001 г. № 223).
- ³⁹ Библиография трудов Н.А. Морозова и публикаций о нем и его трудах // *Морозов Н.А.* Новый взгляд на историю Русского государства. С. 774–825.
- ⁴⁰ *Носовский Т.Е., Фоменко А.Т.* Указ. соч. С. 245.
- ⁴¹ Там же. С. 8–9.
- ⁴² Цит. по.: *Морозов Н.А.* Повести... Т. 3. С. 339.
- ⁴³ *Кошелев А.Д.* Предисловие ко второму изданию // История и антиистория: критика "новой хронологии" академика А.Т. Фоменко: анализ ответа А.Т. Фоменко. М., 2001. С. 4.
- ⁴⁴ Без посредников: встреча ректора РГГУ со студентами: приложение к газете РГГУ "Аудитория" ("Такая возможность предоставляется далеко не часто..." М., 2002. С. 32).
- ⁴⁵ *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Указ. соч. С. 474.
- ⁴⁶ Вместо предисловия (академик поясняет) // *Бочаров Л.И. и др.* Указ. соч. С. 14 (беседа А.Т. Фоменко с авторами — или одним из авторов — книги).
- ⁴⁷ См.: *Иванов Д.В.* Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб., 2002.
- ⁴⁸ См.: *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб., 1998; об этом см.: *Румянцева М.Ф.* Теория истории: учеб. пособ. М., 2002. Гл. 1: Историческое сознание и историческая наука в ситуации постмодерна.
- ⁴⁹ *Ханютин Ю.М.* Реальность фантастического мира. М., 1977. С. 28.
- ⁵⁰ *Можейко И.В.* Письмо П.Ю. Черносвитову // Антифоменковская мозаика-3. М., 2002. С. 238. Впервые опубликовано в журнале "Химия и жизнь: XXI век" (1999. № 1).
- ⁵¹ *Настенка И.А.* Вместо предисловия (Феномениана "Фоменкинины") // Сборник русского исторического общества. С. 9; см. также: *Фоменко А.Т., Носовский Г.В.* Указ. соч. С. 12.
- ⁵² См.: *Шмидт С.О.* Сравнивая столетия и десятилетия... // Россия на рубеже XXI века: оглядываясь на век минувший. М., 2000. С. 341.
- ⁵³ *Саша Пиперский.* И кто теперь читает "Капитанскую дочку"...: интервью с нетипичным представителем нового поколения / материал Н. Ивановой-Гладилычиковой // Известия. 2002. 27 дек. С. III раздела "Наука".
- ⁵⁴ *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Избранные труды. М., 1997. С. 108–109.
- ⁵⁵ *Кибовский А.В.* Сибирский цирюльник: правда и вымысел киноопеи. М., 2002. С. 72—73 (текст о фильме "Утомленные солнцем" составил К. Цыпленков).
- ⁵⁶ *Шмидт С.О.* Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. 2002. № 1. С. 40—49.
- ⁵⁷ *Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 134; *Шмидт С.О.* Н.М. Карамзин и его "История государства Российского" // Шмидт С.О. Общественное самосознание российского благородного сословия: XVII - первая треть XIX века. М., 2002. С. 194 - 195.

58 Литвак Б. Г. Указ. соч. С. 140.

⁵⁹ Цит. по: *Настенка И. А.* Указ. соч. С. 11.

⁶⁰ *Ходаковский Н. И.* Спираль времени, или Будущее, которого не было: 2-е изд. М., 2001. С. 152-153.

⁶¹ *Давиденко И.* Ложные маяки истории: историческая фантазия. М., 2002. С. 282.

⁶² Антифоменковская мозаика-3. С. 240 — 242.

⁶³ *Левинсон А. Г.* Массовые представления об "исторических личностях" // *Одиссей.* М., 1996. С. 252 — 267 (особенно раздел "Глубина исторической памяти").

⁶⁴ Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки / ред. сост. Э. И. Колчинский. СПб., 2003. С. 734.

⁶⁵ Цит. по: *Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием. М., 2002. С. 97.

⁶⁶ Вечерний звонок Сергею Михалкову: гимн мы писали научно // *Известия.* 2003. 11 марта. С. 16.

⁶⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1995. Т. 8, ч. 1. С. 42.

ее *Шмидт С. О.* Историзм мышления // *Наука убеждать: 2-е изд. М., 1969.* С. 351.

⁶⁹ Цит. по: *Кара-Мурза С.* Указ. соч. С. 117.

⁷⁰ *Шмидт С. О.* Василий Андреевич Жуковский — великий русский педагог. М., 2000. Перепеч. в кн.: *Шмидт С. О.* Общественное самосознание... С. 254 (статья "Подвиг наставничества: В. А. Жуковский — наставник наследника российского престола").

⁷¹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 3, ч. 1. С. 242.

⁷² *Известия.* 2002. 27 дек. (в разделе "Наука").

⁷³ *Шмидт С. О.* Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992. С. 6.

⁷⁴ Документальные памятники: выявление, учет, использование / под ред. С. О. Шмидта. М., 1989.

⁷⁵ См. об этом: *Шмидт С. О.* Архивы и историки-любители // Международная научная конференция "Историки и архивисты: сотрудничество в сохранении и познании прошлого в интересах настоящего и будущего", Москва, 27-28 ноября 1997 г. М., 1998. С. 85-93 (перепеч.: *Вестник архивиста.* 1998. № 1. С. 24-32; *Вестник гуманитарных наук (РГУ).* 1998. № 2. С. 90-96).

⁷⁶ *Шмидт С. О.* Вельможный "археолог" Алексей Иванович Мусин-Пушкин // *Шмидт С. О.* Общественное самосознание... С. 124—125.

⁷⁷ *Колесников П. А.* Путешествие в родословия. Вологда, 1997; рец. А. Г. Мосина на эту книгу см.: *Археографический ежегодник за 1998 год.* М., 1999. С. 332-335.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКА СТАТЕЙ «АНТИНАУКА: "НОВАЯ ХРОНОЛОГИЯ" ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ» (М.: РГГУ, 2005)

От редактора. *С. О. Шмидт*

Точные науки и "Новая археология"

С. П. Новиков. Математика и история

Ю. Н. Ефремов, Ю. А. Завенягин. О так называемой "новой хронологии" А. Т. Фоменко. Введение *В. Л. Гинзбурга*

Археология, история Древнего мира и "новая хронология"

В. Л. Янин. "Зияющие высоты" академика Фоменко

Е. Н. Черных. "Биокосмические часы" археологии

Е. С. Голубцова, Г. А. Кошеленко. История Древнего мира и "новые методики"

Е. С. Голубцова, Ю. А. Завенягин. Еще раз о "новых методах" и хронологии Древнего мира

Г. А. Кошеленко. Об истоках одного фантастического жутьничества

Словесные источники "новая хронология"

Ю. М. Лотман. Редакционное примечание к статье М. М. Постникова и А. Т. Фоменко, опубликованной в Ученых записках Тартуского университета

А. А. Зализняк. Лингвистика по А. Т. Фоменко

А. А. Зализняк. Принципы полемики по А. Т. Фоменко

В.А. Кучкин. Новооткрытая битва Тохтамыша Ивановича Донского (он же Дмитрий Туйходжаевич Московский) с Мамаем (Маминым сыном) на московских Кулижках

Л.В. Милов. К вопросу о подлинности Радзивилловской летописи

Полемика

О "новгородских датировках" А.А. Зализняка и В.Л. Янина. *А.Т. Фоменко, Г.В. Носовский*

Дендрологическая шкала Новгорода — самая надежная в мире древностей. *Р.М. Мунчаев, Е.Н. Черных*

"Неудобная палеография". *А.А. Медынцева*

И.Н. Экономцев. Только ли хронология?

С.О. Шмидт. "Феномен Фоменко" в контексте изучения сов-ременного общественного исторического сознания

Сведения об авторах

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к переизданию.....	3
"Феномен Фоменко" в контексте изучения современного общественного исторического сознания...	16

ПРИЛОЖЕНИЕ

Содержание сборника статей «Антинаука: "новая хронология" истории Древнего мира и Средневековья» (М: РГГУ, 2005).....	71
---	----

Научное издание

Шмидт Сигурд Оттович
"Феномен Фоменко"
в контексте изучения
современного общественного
исторического сознания

Утверждено к печати
Археографической комиссией
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редакторы *Л.М. Кузнецова, В.Н. Токмаков*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *В.В. Лебедева*
Корректоры
З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая, Т.А. Печко

Подписано к печати 28. 11. 2005
Формат 60 x 90V16. Гарнитура Балтика
Печать офсетная
Усл. печ. л. 5, 0. Усл. кр. -отт. 5, 5. Уч. -изд. л. 4, 2
Тираж 1000 экз. Тип. зак. 2046

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва, Шубинский пер., 6